

Оксана Лукаш

ЛЮБОВЬ СКВОЗЬ ВЕКА

16+

Оксана Лукаш
Любовь сквозь века

«Автор»

2019

Лукаш О.

Любовь сквозь века / О. Лукаш — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-09735-3

Старинный кинжал, испещренный рунами, поведаёт о чудесных перемещениях между мирами. О Лютом-ведуне и маге, способном влюбить в себя любую, да только не гордячку Милану. О Иваре и Вадиславе, доблестных воинах, закаленных в сражениях и битвах, но проигравших самих себя, встретив любовь. О милой и нежной Валерии, успешной бизнесвумен, запретившей себе любить — раз и навсегда. О Теодоре и Александре, верных друзьях, ставших соперниками в борьбе за сердце красавицы. До счастья подать рукой, но миры так чудно переплелись связав Милану и Валерию невидимыми нитями. Как изменить судьбу и предотвратить трагедию?

ISBN 978-5-532-09735-3

© Лукаш О., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть 1 ЛЮТЫЙ	5
ЧАСТЬ 2 ЛЕРА	27
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Часть 1 ЛЮТЫЙ

Глава 1

Снег, мокрый, глубокий рыхлый, ни одной прогалины, мужчина шел, глубоко увязая в сугробах. Замерзшие ветки, царапали лицо. Снег сыпал и сыпал, зима – лютая. И он Лютый. Как они похожи – оба холодны и непроницаемы. Ему казалось, что уже ничто не сможет затронуть душу, отогреть сердце. Лютый знал только дорогу, чувствовал куда свернуть, куда отправиться дальше, и путь этот был бесконечен.

Люди боялись его, сторонились и угождали. Иногда, деревни будто бы вымирали, когда он проходил мимо, внимательно всматриваясь в избы. На привязи лаяли собаки, в загонах жил своей жизнью скот. Жители выжидали, не спешили навстречу усталому путнику, не предлагали войти в дом, передохнуть, остаться на ночлег.

Лютый был невысок ростом, коренастый, худой и жилистый. Острый, колючий взгляд из под бровей прожигал насквозь. Говорил он редко и по существу, хмурый, не улыбочивый, отрешенный. Шрам на его левой щеке и короткий меч у пояса, заставляли простолюдинов опасаться, ратники да бояре не обращали внимания на пешего странника. Лютый, привык к одиночеству. Слуга Темного, который возьмет, требу для своего хозяина, хотя того жители или нет. Эта традиция, была старой, как мир, но о ней помнили лишь старики. Людям выбирать не приходилось, молча отдавали Требу, чтобы дальше жить в мире и достатке, исполнив предначертанное. Ведун никогда не появлялся в одном и том же месте дважды, искал, находил, брал, шел дальше. Его жизнь, его цель – поиск, той, которая станет ведьмой, Жрицей. Он всего лишь слуга, собака – ищейка.

Сумерки спускались на землю, близилась ночь, требовалось выбрать место для ночлега. Оглядевшись, мужчина свернул направо, чутье всегда подсказывало ему куда идти, и в этот раз он не ошибся. Ведун вышел на небольшую поляну. Ветер выдул снег, образовались прогалины – голые куски земли с пробивающейся травой, и вот уже потрескивают влажные дрова, закипает в котелке вода. Мужчина осмотрел свои припасы, хлеб, немного вяленого мяса, соль, крупа да травы. Постругав мерзлое мясо, кинул в воду, добавил крупу – поляну окутал аромат нехитрой похлебки.

Вдалеке, протяжно завыл зверь. Волки. У них с Лютым уговор – он не трогает их, они его. Вой раздавался все ближе и ближе. На поляну выскочил, совсем еще, молодой зверь, ошети- нился, глаза горят, брюхо впало. Увидев Лютото, попятился назад и исчез в перелеске. Завыл. Надрывно, жалобно, протяжно. Легкой добычи сегодня не будет: Не судьба – Серый. Не судьба. Ведун усмехнулся.

Сытная, горячая еда разморила мужчину, он подбросил поленьев в костер, огонь запыхал жарко, ярко, пробирая до костей, горяча кровь. Сон пришел быстро, Лютый спал чутко, можно сказать, и не спал вовсе, лишь давал отдых телу. Звери, как и люди, обходили его стороной, поэтому, можно было просто лежать, не опасаясь за свою жизнь, не думая ни о чем, чувствуя как расслабляются, натруженные за день мышцы, постепенно проваливаясь в забытье.

Голубое озеро, по берегу поросшее камышом, кое – где вода уже подмерзла. Темное время – навье, Сварга закрыла врата до весны.

Девушка бежала к озеру, не разбирая дороги, спотыкалась, путаясь в длинном сарафане, цеплялась за ветки – прекрасная, простоволосая, босая. Слезы обжигали ее лицо, струились по щекам.

Лютый понял, что задумала жена. Он стоял на пригорке и видел все, что происходит у кромки воды. Пришпорил коня: Только бы успеть, только бы успеть!

Милану уже ничто не могло остановить. Она вошла в воду. Студено. Тело заломило от холода. Не раздумывая – нырнула. Озеро поглотило ее, пошло рябью.

Лютый спешил на берегу: Как же не понял он раньше, как проглядел, не догадался?

Дорогу преградил невидимый страж.

– Стой! Твое время вышло, ты боле не хозяин ей!

– Прочь! С дороги! Ведун направил посох на Хранителя, но за грань ступить не мог, не в его власти мешать обряду.

Девушка вынырнула, зашептала: Не Лада я отныне, стужа мне имя, холод зимний, сердце окутал, льдом душу сковал. Нет чувств, нет боли, не дева я боле, зима во мне лютая, душой правит, да краса вовек не увядает, всяк кто посмотрит взгляд не отведет, да сердце мое страстью, да любовью жаркой к себе не займет, ни добрый молодец, ни купец, ни князь, ни витязь, ни стрелец, ни свой, ни инородец. Тело мое прекрасно, на душе пустота, чувств сердце не знает, чрево женское отныне, жизнь новую в себя не принимает, душа моя ледяна, отныне и до веку я молода. Возьми озеро студеное жар девичий, дай холод сердцу моему, да красу вечную – безвременную!

Да свершится! Да свершится! Да сбудется!

Пролилась в озеро девичья кровь. Потемнела вода, закрутился омут противосолонь, окутала вода Милану на короткий миг. Все стихло.

Лютый ждал, по лицу текли слезы. Свершилось. Нет больше его девочки, отныне она не в его власти, не его собственность, не его жена.

Милана выходила из воды, такая же нежная и юная, как и прежде, да только там где она ступала, вода замерзала следом, покрывалась ледяной коркой.

– Что ты сотворила!!! Что сотворила?!?

– Ты тут? Как посмел?

– Я смею все. Мне нет указа.

– Да, ну? Так чего же за волосы меня из воды не выволок? Не избил в кровь? Ответь мне? Не молчи. Милана рассмеялась, громко, звонко.

Он любил этот смех и ненавидел. Размахнулся, хотел ударить, да не посмел. Ее взгляд пронизывал насквозь, как будто не Милана это глядит, а сама Мара на него смотрит.

– Ты всего лишь Слуга! Помни это муженек, и обходи меня, впредь, стороной.

Ведун проснулся от собственного крика: Ненавижу! Проклятая!

По лицу мужчины катились слезы. Может не сон это был? Наваждение стало окутывать его все чаще. Во сне Лютый раз за разом видел ту, которой никогда не встречал в яви, но за которую отдал бы все, что имел. Он любил и ненавидел ее одновременно. Очнувшись ото сна, никогда не мог вспомнить ее лицо, образ, только глаза – пронзительные, синие, как зимнее небо.

В ярости Лютый затушил костер и побрел, опираясь на посох, медленно, как будто на плечах была огромная ноша. Прочь, прочь от этого места, от собственных мыслей, от синих колдовских глаз.

Глава 2

Тем временем, в деревушке, неподалеку, жизнь шла своим чередом. Зима в этом году была суровой, морозной да снежной, и казалась, нескончаемой. День был в самом разгаре, жители занимались своими делами. В крайней избе пекли хлеба, дородная хозяйка ставила первую партию в печь. Раскрасневшиеся с мороза в избу вбежали ребятишки, и с разбега, чуть не снесли самую меньшую девочку.

– Тише вы, шептуньи! – прикрикнула мать. Малую зашибете!

Странная вышла девочка– подумала женщина. Не первый раз ей приходили в голову такие мысли, и она ругала себя за них: Все же, дочь.

Малышка была не похожа на остальных членов семьи, все русоволосые да сероглазые, а у этой волосы, что смоль – темные, да глаза синие, синие, настоящие омуты, глянешь в них, и будто тонешь. Росточком ниже своих сверстниц, щуплая, маленькая, а выделяется сразу среди остальных ребятишек. И голос, голос, малявка еще, а голос забыть нельзя – журчит, переливается, что ручей весной. Все ребята бегают день деньской, а эта сядет и сидит, смотрит вдаль, как будто видит что, и сама себе улыбается. Деревенские привыкли к ее красоте, да тихому нраву, а заезжие каждый раз диву давались. Князь с воеводой, как на порубежье мимо проезжал, девок деревенских встретил, коня осадил, дело то молодое. Слово за слово, про житье бытие, а как малявку увидал– побледнел. Люди сказывали, все спрашивал: Кто такая, да чья?

– Поди, поиграй с ребятами, Милана. Слышишь, меня дочка?

Девочка послушно глянула на мать, взяла тулупчик и стала одеваться.

Мать вздохнула: Беда мне с тобой Милана! Но девочки уже в избе не было. Женщина знала, что не пойдет дочь туда, где все. Затеет игру, то ли с котом, то ли собаку в дом притащит, или сядет на пригорок и будет смотреть на опушку леса, словно, ждет кого-то.

Милана, действительно, как и предполагала мать, пошла на окраину деревни, села на свой любимый пенек на пригорке и прислушалась. Ждала она весну, ой, как ждала. Тепла, солнца, да первых жаворонков. Побегут ручьи, расцветет все, река разольется, зашумят травы, можно будет пойти в лес, там столько интересного, там друзья. Как же мать не понимает, скучно ей с девчонками бегать. В лесу и с травинкой поговорить можно, и ручей про дальние страны расскажет, глядишь, и дядька Леший появится, меду даст или на малинник укажет, а пока зима, в лес мать запретила ходить строго настрого. Навье время, темное. Говорит: Лешак утащит или кикимора задушит. Милана рассмеялась, – Как же Леший утащит? Он ведь такой добрый. А что если только зайти, никто ведь не узнает. До сумерек далеко еще: Я, туда и обратно. Рядом с Миланой играли сверстники.

– Милана, айда с нами,– крикнул соседский парнишка, Петр.

Девочка только махнула ему рукой, и направилась, не оглядываясь в лес.

– Милана, ты куда? Вернись! Мамка заругает,– не унимался паренек.

– Петруша, ты ей не говори, я быстро. Девочка, просительно прищурила глаза.

Петр, бросил санки, он был постарше, на голову выше девочки, и ему самому безумно хотелось глянуть, на кикимор, да всякую нежить лесную, которой пугали ребят старики.

– Подожди Миланка, с тобой пойду.

Милана улыбнулась, Петр растаял от ее улыбки, взял девочку за руку, и дети направились к лесу. Милана еще раз признательно глянула на мальчика своими бездонными глазами, Петр покраснел: Что это со мной? Она же девчонка,– он отдернул руку, пошел чуть быстрее, Милана семенила следом, стараясь не отставать.

Глава 3

Лютый пробирался сквозь заросли и березняк. Мужчина шел без отдыха несколько часов, пытаясь разогнать наваждение прошлой ночи. Сон не шел из головы. Эти синие, глубокие глаза, и почти нереальное чувство любви, боли, гнева и ненависти, которые он испытывал к их обладательнице. Самое странное, что эти чувства он отчетливо переживал наяву каждый раз, вспоминая тот сон. Как можно любить и ненавидеть одновременно, тем более ту, которой нет, которая лишь в его воображении, и приходит во сне. Еще острее он почувствовал свое одиночество, тоска сжала сердце.

Когда –то, он был обычным человеком, воином. У него была семья, дом, казалось, все еще впереди. Он помнил, как был витязем в княжеской дружине, пировал с друзьями, ходил в походы, возвращался с добычей. Князь был щедр, дружинников верных не обижал. Лютый

был одним из первых воинов, любил веселье, добрую шутку да крепкую драку, после, которой хорошо, и девок потискать. Девочек, любил шибче всего. Последнюю, запомнил навсегда.

В одной из деревень, во хмелю, вышел во двор воздуха свежего глотнуть, зима стояла такая же, суровая, мороз прошибал насквозь, а он дышит, да вздохнуть не может – воздуха ему мало. Решил пройтись. Отошел за избу, недалеко лесочек, и тянет его в тот лес, спасу нет. Хмель в голове играет, как был в рубахе, так и пошел, куда глаза глядят, не чувствуя холода. Идет, идет, вроде и лес близко, и сосенки рядом, а все не дойдет до них. Возле одного деревца увидел Лютый силуэт девичий. Окликнул. Отошла девица от дерева, Лютый обомлел, таких красавиц он отродясь не видел. Высокая, статная, волосы огненные, до пояса коса, глядит на него – улыбается, пальцем манит. Направился к ней Лютый, да, она в лес, и бежать. Он за ней. Девица смеется, заливается, только эхо кругом от того смеха. Бежит Лютый, опасности не чувствует. Это последнее, что он помнил.

Очнулся уже в избе, весь в тулупах закутанный, из сотоварищей никого рядом нет, да и изба чужая, бабка какая – то у печи возится. Попытался встать, ноги не держат, кое-как сполз с печи. Бабка на шум оглянулась.

– Что, милочка, очнулся? Как спалось?

– Долго я спал?

– Почитай месяца три. Уж и весна, вовсю.

– Что со мной случилось?

– Как что, милочка? Запомнил? Во хмелю пошел в лес, заблудился и замерз, почти на смерть. Приволокли тебя ко мне други твои, знахарка я деревенская. Ты уж плохой весь, лихорадит тебя, знобит, крутит. Ничего я им не обещала, да вот надо же, выходила. Выходила я тебя болезного. Витязи, знамо дело, в поход собрались, а мне строго настрого наказали ходить за тобой, как за дитем малым, – старуха рассмеялась.

Стало Лютому не по себе от того смеха. Смех ее не бабский – девичий смех.

– Как звать тебя, милый?

– Тихон, кличут.

– Был Тихон, станешь – Лютый.

– Что ты сказала, старая?

– Послышалось тебе милый, слышалось.

Послышалось, да не слышалось. Той ночью и началось. Днем старуха облезлая, ночью красавица редкая, жаркая, страстная, ласковая. Ведьму повстречал Тихон. Не мог устоять он перед ней. Каждый день себе клялся, что сегодня уйдет, а как ее к вечеру в облике девичьем увидит, голову теряет, себя забывает с ней, друзей, родных, ничего не надо ему, лишь бы чувствовать ее всю до капли, быть с ней. Время шло, стал замечать Тихон, что все трудней просыпаться ему, вроде и выздороветь пора, окрепнуть, а сил нет, слабеет с каждым днем. И красавица его пропадать в лесу целыми днями стала, лишь к вечеру в избу возвращалась. О том, он и спросил ее однажды.

– Что ты Тихон, уж не взревновал ли? Что, ты, милый? По грибы, ягоды, хожу, на зиму припас собираю, травы заготавливаю.

Не поверил, решил проследить. Про грибы-ягоды говорит, а сама с пустым лукошком возвращается, раскрасневшаяся, глаза горят, вся аж масляная, ластится к нему, что кошка. Засомневался Тихон. Следующим утром с первыми петухами поднялась девица, юркнула в сени. Тихон сполз с печи, отдышался, держась за углы, как в тумане, пошел за ней. Она в лес, и он в лес. Солнце уж взошло, только она как девкой была, так и есть, старухой не становится. Огляделся, Тихон, смотрит, ручей, зачерпнул полную пригоршню воды испить, да на свое отражение глянул, а на него не молодец удалой глядит, а седой мужик тарашится.

Как в избу вернулся, Тихон вспомнить не мог. Опомнился, когда в избе той все разворошил, да мечом искромсал.

– Вот куда силушка моя ушла! Дрянь подлая, ведьма проклятая,— в гневе, запалил избу. Бежит ведьма из лесу, волосы развеваются, налетела на витязя с кулаками. Сила в ней, что у зверя дикого, нож в руке. Клинок вонзила мастерски, полилась по щеке Тихона кровь.

– Мерзавка такая! В боях лицо уберег, а тут баба отметину свою ставила.

Ведьма все не унимается, кидается на него с ножом. Рубанул и Тихон мечом в ответ, не жалея. Упала, без звука, как трава скошенная. Упала, а на земле след огненный, лицо из девичьего, серым старушечьим становится, волосы седеют. Испугался витязь, побежал от того проклятого места, а за спиной вой нечеловеческий, ливень полил, потемнело, и ее голос, будто следом за ним несется: Дурак ты дурак, что наделал? Теперь и тебе не жить.

Так и стал он Лютым, слугой Темного. Убил он не просто девку обычную. Убил Жрицу его любимую, и осталось Тихону лишь служить верой и правдой, стать собакой на привязи и искать, искать новую деву, способную заменить, ту, которую он убил. Вот, что помнил Лютый о своей прежней жизни, да нож от ведьмы ему остался— короткий кинжал, рукоять из черного камня, вся в знаках непонятных, две головы змеиные на той рукояти среди знаков выточены.

Потянулись годы скитаний и мытарств, поиски новой Жрицы. Лютый искал и находил способных к ведовству девочек. Брал их у родителей, те отдавали детей без звука, зная, что таков древний обычай. Не отдашь требу— остановится жизнь в деревне, беда будет, вымрут все.

Да, только девочки оказались не подходящими, не способными принять знания и занять место Жрицы. Одно слова —не те. Многие умирали не выдерживая скитаний с Лютым, кого—то он бросал сам в первых попавшихся деревнях, понимая, что толку не будет. Он шел своим путем и искал, искал, ту единственную, что станет ведьмой, понимая, как только найдет, сможет передохнуть, а дальше будь, что будет.

Глава 4

– Милана, Милана, да подожди же, окаянная. Давай домой! Мы с тобой, далеко зашли, уже и деревни не видно, скоро темнеть начнет.

– Что ты Петр! Пойдем еще чуток, я тебе сейчас волшебную поляну покажу, пойдем, там и Леший живет добрый.

– Милана, стой. Все! Идем назад.

Дети замерли, споря и переругиваясь, как раз возле поляны, на которой остановился передохнуть Лютый. Ведун осторожно выглянул из-за деревьев, боясь испугать малявок, лишние крики ему сейчас ни к чему. Девочка, раскрасневшаяся от спора с мальчонкой, обернулась в его сторону. Сердце Лютого защемило. Бездонные, синие глаза, которые невозможно спутать. Нашел. Новая Жрица, Темного — девочка Милана.

Лютый стал потихоньку отступать назад в лес. Пока не время. Все должно свершиться по закону, девочку должны отдать родители добровольно. Отойдя подальше, опустил на снег, лицо горело огнем, шумело в ушах. Неужели скитаниям пришел конец, и можно остановиться? Эти глаза, единственные на всем белом свете, не забыть их никому кто увидит.

Когда дети вернулись в деревню, был уже поздний вечер, и их ждал хороший нагоняй. Петр понуро тащился за Миланой, девочка же, наоборот, почти бежала, что—то напугало ее сегодня в лесу, первый раз в жизни, ей не хотелось задержаться, а хотелось бежать бегом, изо всех сил, чем дальше, тем лучше.

Страшно до жути страшно, лес был злым и чужим. Не пришел дядька Леший, все было мертвое, неживое и поляна эта странная, и какая-то темная фигура за деревом. Правильно мамка говорила, нельзя зимой в лес, никак нельзя. Зачем она ослушалась и Петра с собой потащила. Чувало детское сердечко, что беда на пороге стоит, и она сама ее накликала. Петр не заметил, а она хорошо разглядела бородатого мужика, что на миг появился из—за дерева и исчез. Скорее домой, там мамка уже должно быть заждалась. Наскоро распрощавшись с Петром, девочка заспешила к дому.

Мать стояла на пороге, оглядываясь по сторонам, лицо встревоженное, на ходу одевала тулуп, завязывала платок. Темнота уже на дворе, все ребята вернулись, а Миланы нет, слезы навернулись женщине на глаза: А если случилось что? Ночь почти, нечисти время, не ходят добрые люди сейчас по улицам да домам. Наверняка, в свой лес побежала, да заблудилась, женщина ускорила шаг.

– Что мужу скажу? Проглядела дочку, его любимицу.

Девочка вынырнула из –за угла и наткнулась на мать.

– Милана дочка, где ты была? Мать прижала девочку к себе, отпустила и уж хотела отругать. Да глянув на ребенка передумала. На девочке лица не было, носик заострился, взгляд перепуганный.

– Обидели тебя? Доченька? Да, кто же?

Дочь обняла мать и заплакала.

– Милана, синичка моя, что с тобой?

– Мама, а ты меня никому не отдашь?

Мать, опешила от такого вопроса.

– Мамоchка, не отдавай меня никому, я больше никогда-никогда в лес не побегу.

– Да, ты что? Кому же я тебя отдам? Родненькая моя. Ну ка, пошли домой, ты заледенела вся, так до лихоманки недалеко. Пойдем, моя хорошая, пироги будем есть. Пойдем, скорее, пока нас Кикиморы не утащили. Мать и дочь пошли к избе.

Лютый стоял на пригорке, наблюдая, в какую избу войдет женщина. Зрение, как и чутье у него было звериным. Утром он войдет в эту деревню, поговорит со старейшинами и возьмет, что причитается. Девочка была еще слишком мала, таких малых он еще не забирал, ну ничего, легче будет учить.

Утро выдалось солнечным. Милана лежала на печи, не хотелось ей вставать. Как испугалась она вчера в лесу, так тот страх ее не отпускал.

– Мила, вставай девочка, неужто, заболела? Дочка? Мать приучала девочку управляться по хозяйству. Вставай, помогать мне нужно.

Девочка зажмурилась, из под ресниц лились слезы. Мать потрогала лоб ребенка. Милана горела огнем. Женщина заметалась по избе. Зиму пережили, все здоровые и надо же, застудилась дочь. Мать надела тулупчик, и побежала к деревенской знахарке за помощью.

– Баба, баба Славия дома ты? Открывай же.

– Что орешь, заполошная? Скотину мне всю распугала.

– Баба Слава, помоги. Миланка горит вся. Вчера замерзла, а сегодня не встает, лихорадит дите.

– Идем, посмотрим на девочку твою. Не ори только. Погоди, травы возьму, да воду свою наговоренную.

– Ну, и где тут твоя малая? Бабка Славия, вошла в избу. Уф, запыхалась, чего бежали так, а Любань? Старая я уже, словно кобыла скакать. Бабка подошла к печи и оглядела ребенка, ощупала, заглянула в глаза, потрогала лоб. Девочка лежала молча, не крутилась, и ничего не говорила. По щекам текли слезы.

– Мама, ну не отдавай меня? А мама?– и заплакал навзрыд, захлебываясь слезами и надрывно кашляя.

– Опять заладила свое. Не отдавай, да не отдавай. Ничего не пойму.

Бабка внимательно посмотрела на ребенка.

– Ну ка, цыц – прикрикнула бабка на встревоженную мать. Дай мне лучше чашу побольше.

Женщина подала, что требовалось.

– Бабка, Слава, что с ней?

– Молчи Любань, не отвлекай меня.

Бабка налила воду в чашу, достала из своего узла свечу, зажгла, попросила у матери прядь волос ребенка. Любань замешкалась, бабка шикнула на нее: Отрежь говорю, надо так. Мать послушно выполнила распоряжение ведуньи, села на сундук и стала смотреть, что будет дальше. Бабка подожгла прядь волос девочки над чашей, бросила в воду шепот какой то травы. Стала смотреть. Вода в чаше пошла рябью, бабка отшатнулась. Глянула на девочку, и ничего не говоря стала собираться.

– Ты куда, куда ты бабушка? Что с Миланой? Не молчи, говори! Мать в сердцах схватила старуху и стала трясти, потом опомнившись, отступила. Прости бабушка, прости. Не знаю, что и нашло на меня.

– Успокойся Любань, успокойся. Хорошо все с девчонкой, отлежится пару дней и все пройдет. Подмерзла видать.

– Что ты в воде увидела?

– Не спрашивай Любань. Придет черед, все узнаешь, а нынче не спрашивай.

С этими словами бабка вышла в сени, тихо прикрыв за собой дверь. Любань и не заметила, как бабка ушла. Милана металась во сне, что-то неразборчивое шептала.

– Доченька моя. Как же так? Что отцу твоему скажу? Прибьет меня, знамо дело прибьет. Горлица моя ненаглядная.

Девочка открыла глаза и снова заплакала: Мамонька не отдавай меня ему.

– Кому, доченька? Кому тебя не отдавать.

– Темному.

– Какому Темному? Милана не ответила, девочка уже крепко спала.

Мать отошла от ребенка: На все воля богов. Будь, что будет.

Глядя на дочь, женщина, постепенно, переключилась на домашние хлопоты.

Отец Миланы, был хорошим охотником и зимой, частенько, ходил за добычей в лес на пару дней. Места у него были свои, только ему одному известные, где и охота хорошая и заночевать можно без страха. Вот и в этот раз дверь в избу отворилась, морозный воздух с улицы ворвался в дом.

– Есть кто живой? Батьку встречайте!

Любань кинулась к мужу.

– Наконец– то пришел. Заждалась тебя, любимый мой, заждалась.

Мужчина внимательно глянул на жену: Что стряслось, Любань? Что такое? Дети?

Любань, заплакала: Миланка вчера в лесу намерзлась, а сегодня не встает. Говорила я ей, не бегай в лес, не бегай. Да, кто же меня слушает? На печи лежит, горячая вся. За бабкой Славией я ходила поутру, та пришла, на воду посмотрела, пошептала чего– то, да так и ушла.

Михась, уже и не слушал объяснений жены, подошел к печи, да так и застыл.

– Любань, ты шутики шутишь?

Женщина подбежала к печи. Девочка лежала отбросив в сторону одеяла, на лице застыла улыбка, она мягко посапывала обнимая тряпичную куклу. Мать потрогала лоб ребенка. От утреннего жара не осталось и следа. Любань всплеснула руками: Чудеса, так чудеса. Миланка, металась, да горела все утро, а ты пришел, и как рукой сняло.

Отец наклонился над ребенком, погладил по голове, девочка перевернулась на другой бок.

– Раз все обошлось, дай мать чего-нибудь из еды. Вон, пирог у тебя вижу стоит.

Любань поспешила к печи, где томились щи и каша с маслом. Так она сегодня с девчонкой набегалась, что и про обед забыла, как бы не сгорел.

– Не суетись, жена, не суетись, не голодный я. Пойду, надо амбар подправить, да в сенях, что– то половицы расскрипелись.

Любань опустила руки, посмотрела на хозяина дома. Как же смолоду она его любила! Света белого не видела, всю б себя за него отдала, если бы попросил. Первые годы жила она

с мужем хорошо, счастливая своей любовью, беззаботная. Просыпалась с улыбкой, засыпала уткнувшись в его плечо. Дети пошли, начались заботы бабские. Только, со временем перестало хватать ей собственной любви. Думала, когда замуж за него шла, что хватит для счастья, одной любви на двоих, не вышло. Ведь знала же, что стал он жить с ней, чтобы забыться. О той–другой не думать, не вспоминать. Знала. Надеялась, что полюбит ее – Любань. Не полюбил.

Михась, был видным парнем, все деревенские девки по нему сохли. Как приедет на ярмарку, так девицы, шеи сворачивали ему вслед, а он их будто и не замечал. Идет, всем улыбается, шутками – прибаутками сыпет, волосы светлые, косая сажень в плечах. Смотрела на него Любань, да робела. Куда ей о таком мечтать. Еще в годы девичества Любань не была красавицей, лицо в веснушках, невыразительное, волосенки жиденькие, тело щуплое, грудь еле видна под сарафаном, но, как увидит Михася, так думать ни о чем, да ни о ком больше не может. Он один перед глазами стоит.

Не одна Любань сохла по парню, все подружки ее лишь о нем и говорили, завидный жених. Только, на беду, приехали к ним в деревню, чужаки. Кузнец с дочкой. Красивей ее не было в округе. Коса, чуть не в пол, глаза раскосые, зеленые, что звезды горят, ходила так, словно не идет, а плывет по воздуху павой. Увидал ее Михась– пропал. Все чаще и чаще в кузнице стал появляться, вроде как по делу к кузнецу, а сам, хоть бы глазком на свою красавицу глянуть, а она, и не смотрит в его сторону. Он к ней, поначалу, с шуточками, как привык, да девица, что княжна, кинет на него взгляд из под бровей смоляных, глазами стрельнет, и уйдет в горницу. Михась не сдавался, девка видная, ей положено от ворот поворот женихам давать. То с подарком заглянет к девушке Михась, то с гостинцем, а она как не глядела не него, так и не глядит. Отец гордячки руками разводит: Сердцу не прикажешь. Хороший ты парень Михась. Работящий. Только дочь неволить не стану. Пойми, не люб ты ей, никто ей пока не люб. Не ходи к нам, не рви сердце, найди себе другую, полно девок вокруг, а Раду мою забудь.

Многие к ней ходили, сватались, да все, как Михась, не солоно хлебавши возвращались. Возненавидели красавицу в деревне, а пуще всех Любань. Ночами не спала, слезами обливалась, да представляла, как колотит разлучницу, бьет, волосы рвет клочьями, дегтем мажет. Жили они так до зимы, а как выпал первый снег, так исчез кузнец, со своей дочкой, видать, почувял недоброе, что деревенские, девку возненавидели, да ночью одной и увез ее подальше.

Увезти то увез, да неправду говорят, что с глаз долой из сердца вон. Стал Михась, как чумной, иссох, почернел от горя, то работой себя день-деньской изматывает, то часами лежит, не встает, в одну точку смотрит. Ждала Любань, что пройдет у него горе, что забудет он Раду, да с каждым днем все мрачней Михась становился.

Решилась Любань: Мой будет, никому больше не отдам.

Пошла к бабе Славии. Все девки к ней бегали, кто парня присушить, кто веснушки вытравить, а кто удачу да везенье к себе привлечь, да все больше, конечно, по любовным делам. И Любань решилась: А что такого?

Бабка дала ей травку, сказала, что нашептать, да когда той травкой Михася напоить. Напоить его надо было, аккуратно, перед Купалой. Сделала Любань все, как Славия ей велела, ничего не упустила, не забыла, не спутала. Заварила отвар, пошла к Михасю. Тот день она помнила, как будто вчера это было. Просто так же парня поить среди бела дня не станешь. Придумала повод -пойти к его матери, соль на муку сменять. Мать его ей соль, на муку поменятья, а Михася в доме не оказалось.

– Куда это, тетка Марфа, твой сын подевался? То первый парень на деревню был, все с шуточками да песнями, а с весны не видно и не слышно его.

– Тебе-то, девка, что за дело? В кузню заброшенную пошел –женщина тяжело вздохнула. Все не верит, что никогда эту змею подколенную не увидит, что уехала она.

Попрощалась Любань наскоро, побежала в кузню. Михась был там. Лежал ничком на траве, и казалось, не видел ничего.

Подошла Любань к нему, наклонилась над парнем.

– Вставай Михась, хватит. До смерти себя уморишь, вставай.

Открыл он глаза, смотрит на Любань, будто не видит, не узнает девушку, сквозь нее глядит.

– Вставай Михась, вставай! Любань уже кричала в голос.

Парень поднялся, головой помотал: Что орешь? Иди отсюда.

– Не пойду я никуда, за тобой пришла, без тебя не уйду.

– Волоком, что ли, на себе потащишь?

– Надо будет и поташу. Пойдем, любимый мой, негоже здесь тебе одному. Так и помрешь.

Не вернется она больше.

Пошел Михась от кузни сначала, тихонько, словно недужный, потом быстрее, да быстрее

– шаг прибавляет, так, что Любань за ним бежит.

– Погоди Михась, погоди.

– Чего мне годеть, то? То пойдем отсюда, то погоди. Не поймешь вас баб.

– Так ты еле полз, а сейчас как черти тебя кусают. Я чего искала то тебя - вот мать тебе отвар передать велела. Целебный сказала.

– Давай свой отвар. Не отравишь?

– Да ну, тебя. Пей уже скоренько, да пойду я. Целый день за тобой бегаю.

– Бабская твоя доля такая – бегать.

– Пей – не насмешничай.

Парень выпил все, до доньшка. Следующим днем был Купала. Гуляла деревня. Вечером жгли костры, девки венки на воду пускали, гадали на предстоящие свадьбы, на будущих женихов. Кто парой не обзавелся, присматривал себе любушку.

И Михась на гульбу вышел. Да только не смурной, а тот прежний Михась, шутник да красавец. Любань своего не упустила, в ту же ночь промеж ними все и сладилось. Ох и горяч он был с ней, никогда больше так он ее не любил, так жарко не целовал, да не обнимал. Слова какие - то шептал, и казалось, никак не мог ей насытиться, а когда заснули на рассвете, к себе прижал: Не уходи моя хорошая, никогда от меня не уходи родная моя. Люблю тебя, Рада моя, Радушка.

Не Любань, а Рада. Вот тебе и ворожба. Кого уж он видел, когда был с ней – Любань так никогда и не узнала. На утро, посмотрел Михась на девушку, вздрогнул, будто протрезвел с хмеля.

– Любань, что было между нами?

– Неужто, не помнишь ничего?

– Нет, не помню.

– Купала вчера был, вместе мы теперь, а дадут боги, так после этой ночи сынка, или дочку тебе рожу.

Так и стала Любань бабой, так и пошла замуж, зная, что муж будущий ее не любит. Жили вроде справно, не обижал он ее, но и не жаловал. По хозяйству всегда вместе, работающий, детки пошли, а счастья не было. Поняла Любань, что не полюбит он ее никогда, жить будет, спать будет, а не полюбит. Камень лег на сердце, тяжелый, пудовый. Обида точила, злость да тоска заедали. Она к нему с лаской тянется, а он отведет ее руку и продолжает заниматься, делами хозяйственными. Потом к охоте приистрастился, в лес стал ходить, пропадать там. Возвращался всегда с улыбкой, вроде наладилось у них, родилась Милана. С ее рождения и потеплело сердце Михася, как солнышком она его согрела, любил ее Михась пуще остальных детей. Хорошим он был отцом, старался никого не выделять, а этой и кусок послаще протягивал, и в просьбах никогда не отказывал. Как подросла, стал брать ее с собой в лес. Возвращались они радостные, голодные, и в те дни был в семье шум, гам, смех, а вечером после таких походов, собирал отец детвору, Милану обязательно на колени сажал и рассказывал чудные истории,

про водяных, русалок, кикимор болотных, времена стародавние, когда боги жили среди людей. Так Милана и засыпала у него на коленях. В такие вечера он сам укладывал девочку спать, укрывал, клал рядом куклу. Любань все удивлялась откуда у простого мужика такая нежность к ребенку. Покуда, одним вечером не услышала, как он ее укрывает одеяльцем, да говорит: Спи моя красавица, спи моя родная, не бойся ничего моя радушка.

Радушка... Вот, оно что! Обмерла Любань. Не ждала она, что оживет эта забытая любовь, и боль ее отступившая, вернулась с такой силой, что ей захотелось кричать, да ломать все, что под руку подвернется: Вот, в чем дело! Как я раньше не поняла. Действительно, девчонка напоминала разлучницу— и волосы смоляные, и глаза пусть не зеленые, а таким же огнем горят— загадочным, и горда не по годам, все соседки ее княжной маленькой в шутку величают. Похожи, очень похожи. Только Милана очень добрая, для нее любовь свою дарить, да нежность, как воды испить. Тихая, робкая, ее доченька.

Плакала Любань горько, за любовь свою неразделенную, жизнь зря потраченную, казалось ей, давно она все слезы выплакала, а они все лились и лились из глаз потоками. Перегорела в ту ночь в ней вся любовь к Михасю. Уважение осталось, все же отец детей ее, да горечь и сожаление, что не совладала она с собой, когда молодой была. Может и встретила бы того, кто полюбил бы ее. К Милане с того дня отношение женщины изменилось, насколько отец не мог налюбоваться дочкой, настолько мать не могла ее видеть, все в ней ее смущало и не нравилось. Чем старше становилась девочка, тем более необычной и непохожей на других детей она была. Задумчивая, мудрая не по годам, как и отец на ходу могла выдумывать и рассказывать всякие небывалые истории малышам. Что не попросишь, все сделает. Вроде и мала еще, а уже должна и дом подмести, и матери с обедом помочь, но все норовила, улучшить момент и сбежать в лес. Там было ее царство, какая -то невиданная сила, берегла девочку в лесу. Собираясь за грибами да ягодами, местные кумушки брали с собой Милану, зная, что девчушка обязательно выведет их на богатую поляну, и еле донесут они полные лукошки до деревни.

Сегодня, все в их доме было, как обычно, та же горечь от невнимания и нелюбви мужа пронзала Любань насквозь. Она смотрела ему в спину, первый раз волной закипела ненависть к нему, и злая радость от того что, постарел он, осунулся, хотя с виду, все еще был сильным, полным жизни мужчиной, но прожитые годы, полные забот и труда давали о себе знать.

День шел своим чередом, и Любань вздохнув, занялась, хозяйством. Набежали дети, в избе стало шумно, не до думок и горестей. Одному пирожок, другому подзатыльник, жизнь вернулась в привычное русло.

Глава 5

Лютый вошел в деревню. Утро было студеным, срывался мелкий снежок. Вскоре, стужа отступит, но пока еще рано, еще зимняя пора —навье время. Люди косились на чужака. У какой— то дородной бабы Лютый спросил о том, где ему найти старшин. Баба указала на избу в самом центре деревни и спешно скрылась. Такая реакция людей была привычна для Лютого, значит, у бабы есть здравый смысл и инстинкт самосохранения, усмехнулся своим мыслям ведун.

Войдя во двор к старшине, Лютый оглядел справное хозяйство и зашел в избу. На лавке сидел старик, с виду больной и немощный, но это была лишь видимость.

— Кто таков будешь?

— Здрав будь хозяин. Зови меня Лютый. Я жрец Темного. Помните еще про Требу ему? Не забыли? Ваш черед отдать причитающееся.

Старик не поморщился и не пошевелился, поманил пальцем мальчонку, которого не заметил поначалу Лютый: Ну, ка дите, беги зови бабку Славию, да дядьку Никиту.

– Ты ведь ни к одному, ко мне пришел? Так ведь Лютый? Мы ждали тебя. Славия увидела еще вчера твой приход и девочку, которую ты решил забрать. Ты помнишь ведун, треба только тогда треба, когда отдана от чистого сердца, добровольно?

– Никто вас неволить не станет, но и ты старик вспоминай, что бывает с теми, кто не отдал треба.

– Помню, Лютый, помню, еще те времена, и не спорю с тобой. Ты проходи, садись – не побрезгуй моим стариковским обедом. Отдохни с дороги. Ты к нам ненадолго, надо думать. Решение примем, да пойдешь себе дальше.

Вошла бабка Славия, за ней крепкий мужичонка с куцей, всклокоченной бородой.

Первым заговорил хозяин дома: Кого выбрал на требу Темный?

– Милану, – был короткий ответ.

– Почему мы должны отдать ее тебе, Лютый? Где доказательство, что ты жрец Темного?

– Славия, ведь ты видела меня еще вчера в чаше с водой, и я тебя видел. Предначертанное свершится, хотите вы того или нет. Не уйдет со мной Милана и деревни вашей не станет. Эту зиму пережили, хорошо, а дальше, как Силы рассудят. День вам на решение, не решите, пойду к ее родителям сам.

– Девочка больна, – промолвила Славия.

Лютый усмехнулся: болезнь ее поправима, поболит да пройдет. Я слово свое сказал, черед за вами, – ведун встал, и не говоря ни слова, вышел из избы.

Собравшиеся переглянулись.

– Что делать будем? Пошли к отцу Миланки, к Михасю. Девчонку надо отдать, вот и весь сказ.

– Ой, Никита как у тебя просто все, не твою же Катерину забрать решили.

– Полно тебе Славия, полно, сказали бы Катю отдать, пришлось бы нам с матерью с дитем прощаться. Ничего не поделаешь. Жить все хотят. Треба Темному, по справедливости, как издавна заповедано, да дедами велено. Перечить не след. Отдавали до нас и нам суждено.

– Твоя правда Никита, так было всегда, не нам нарушать закон. Пошли к Михасю.

Все трое поднявшись с лавки, вышли за порог. Никто из них не обратил внимания на Петра. Мальчонка жался за печкой, сидел тише мыши, чтобы не выгнали: Миланку, его Миланку решили отдать этому бородачу. Да зачем это? С кем же он Петр будет теперь играть, с кем в луга весной бегать, а летом у ручья валяться, и слушать ее чудные сказки, про красавиц, воинов отважных, русалок да мавок полуденных. Милей всех других ребят была Петру соседская девочка. Как в лес с ней давеча ходил, так вообще решил, что всегда только с ней играть будет, вон храбрая какая и добрая, никогда его не обижала.

Петр со всех ног бросился к своей подружке: Поди, как всегда, сидит на пригорке с куклой, да на опушку лесную смотрит, а то, может, опять в лес собралась. Надо предупредить, чтоб не ходила. Мужик там этот страшный, схватит и все, и не увидит Петр больше никогда Миланы.

На пригорке Миланы не оказалось.

– Точно, в лес подалась! Надо выручать, пропадет ведь. Петр бежал к лесу, сердце мальчонки выпрыгивало из груди. Подружку закадычную жалко конечно, да только в чащобе страшно, и мужик там тот: Ну, и пускай страшно, и пускай мужик! Петр поднял валяющуюся палку. Он – Петр тоже не лыком шит, дед летом его драться учил, теперь Петр с любым деревенским мальчишкой легко управлялся. Показал дед ему пару секретов.

– Не отдам Милану – моя! – подумал так, да и сам себе удивился.

Тропинка привела Петра к той поляне, на которой они вчера с девочкой стояли да пре-рекались. В свете дня поляна уже не казалась Петру такой страшной, а лес непроходимым буреломом. Вдалеке вился дымок, потянуло костром: Значит там этот дядька – Лютый. Вдруг и Милана уже у него? Не отдам, пусть, что хочет со мной делает, не отдам, – паренек покрепче сжал в ручонке палку.

– Не меня ищешь? А, парень?

Петр резко обернулся, на него смотрел Лютый. Стоял и улыбался.

– Зачем тебе Милана, а дядька? Ты, почто пришел к нам? Кто тебя звал?

– Верно, говоришь малец, никто не звал. Только ни в чем приглашении я не нуждаюсь. Прихожу, куда хочу и беру, что пожелаю. Запомни это парень и никогда на моей дороге, тем более с палкой, не становись. Я и наказать могу. После этих слов ведуна, палка из рук Петра выскочила, будто живая, и отлетела на несколько саженей вперед, да сама собой пополам сломалась. Петр только открыл рот от удивления, а Лютый засмеялся.

– Понял парень, теперь, кто я? Или добавить тебе? Беги к мамке лучше, негоже в такую пору по лесу шнырять, недоброе, может выйти. Лютый повернулся к ошалевшему Петру спиной и зашагал в лес.

Петр стоял столбом и не верил в произошедшее: Как палка могла вырваться из его руки, да еще сама собой пополам переломиться? То, что он повстречал колдуна, Петр уже понял. Только, зачем ему Милана? Мальчик понуро побрел к дому. Не сможет он спасти своей подруги, не тягаться ему с ведуном черным. Отдадут ее в услужение Лютому, и ничего он– Петр не поделает. По лицу мальчика лились слезы, замерзая на ресницах, а он плакал все горше и горше.

В избе Михася семья собралась ужинать. Михась сидел во главе стола и строго смотрел на семейство, только глаза его улыбались, и каждый за столом понимал, что отец в хорошем настроении и принес каждому из леса подарок. Любили отца дети. Одна Милана, по–прежнему, лежала на печи, тихо, как мышка и не хотела спускаться. Мать ее и не заставляла, пусть оклемается, а ну ка, утром горела, что уголек из печи, а к вечеру и следа лихоманки нет, понятное дело капризничает дите. Малая еще. Пусть полежит, погрееется.

Дверь в избу отворилась, вошли трое– баба Славия, Никита да дед, что по праву считался старейшиной в деревне и принимал решения.

– Дому вашему мир да добро, хозяева.

Вся семья обернулась к вошедшим.

– Здравия и вам добрые люди. Заходите, к столу подсаживайтесь. Любань засутилась, чтобы и места всем хватило и еды, на гостей она в этот день не рассчитывала, хорошо, и каши побольше, запарила и караваев несколько спекла, как знала, что гости в дом придут. Гостю, как известно, всегда рады. Гостю-место. Троица уселась за стол. Потянулись обычные в таких случаях разговоры, про житье–бытье, дотянут ли жители до весны, сколько припасов осталось, да про подготовку к пахоте. Только не клеился разговор сегодня, гости были хмурые.

– А ну ка, ребята, поели уже, так и нечего рассиживаться! Или я работы вам мало с утра задала? Мне помощники завсегда нужны. Давайте, воды скотине принесите, да соломки подбросьте.

Дети нехотя встали из-за стола, им было ясно, что не будет отец сказок сказывать и гостинцев не даст. Мать суровым взглядом проводила детей.

– Ну, Славия, что стряслось? Первой, не выдержала молчания старейшин– Любань. С чем в дом к нам пришли мрачней тучи?

Михась хотел было прикрикнуть на жену, не говорят так со старшими, да глянув на деда, на его сдвинутые к переносице брови, да поджатые губы, понял, что беда в деревне.

– И правда, дед не томи, права Любань, говори, как есть, что стряслось? Беда какая?

– Как сказать, Михась, как сказать. С одной стороны беда, с другой радость.

– Бывает разве так?– удивилась Любань. Чтобы беда с радостью одной дорожкой шли, да в одну дверь заходили.

– Всяко, Любань бывает, всяко, – неторопливо растягивая слова, ответила Славия. Чужак к нам в деревню пришел. Жрец Темного.

– Кто пришел?

– Жрец Темного, – ответил дед. Молодые вы еще, мало повидали, традиции забыли. Про требы богам вы четко помните, когда надо чего, или праздник, а вот про Темного многие и не упомянут уже, не чтут его как раньше, требы не приносят. Хотя и требы у него не простые-мудреные. Расскажу. Темный он и есть темный. Нет на земле, грани между добром и злом, светом и тенью, жизнью и смертью, все рождается, чтобы умереть. Переплелись меж собой навь и явь, не может одно без другого. Царство Темного – Навь, там он заправляет, властвует, но как и другие боги людей не обижает, учит своему ремеслу – ведовству значит. Ведовство это не обычное, не, как у Славии нашей. Колдовство его сильное: и от смерти откупить знает как, а то и бессмертным сделать, и власть дать может, и мором заслушание погубить. Служат ему девы, обучают тех дев ведуны-Жрецы. Был обычай стародавний, коли пришел Жрец в деревню, отдать ему, что попросит, а просили такие ведуны всегда одно – девочку для обучения ремеслу древнему. Девочку выбирал всегда ведун сам, забирал из отчего дома, и больше тех дев никто не видел. Такая вот треба.

– Ой, всплеснула руками Любань, – Дед, почто сказки страшные такие сказываешь? Как так, на требу дите?

– Не сказки Любань, не сказки. Хотел бы, да так выдумать не смогу. Всю правду тебе обскажал. Я и сам обычай этот видел, когда мальцом был. В той деревне откуда я родом, отдавали соседскую девочку, ведуну в обучение. Родители ее только рады были – рот лишний от них уходил, и им почет до старости. Знали все, коли взял Темный из деревни один раз, то больше не придет, и деревня будет в сытости и довольстве жить, и семья из которой ребенка забирала, процветать начнет, забогатеет, не прервется их род. Радовались все. У девчонки судьба одна из всех, не каждой такое счастье выпадет – знания получить тайные, ведуньей стать, да я уж подробностей не знаю дела этого, да нам и не надобно. Вот только Жрец этот, Лютый, его кличут, Милану вашу выбрал.

В избе воцарила тишина. Михась побледнел.

– А если я не отдам ему дочку?

– Тогда Михась беда самая что ни наесть и приключится. На всю деревню нашу, на все роды, и на твой род Михась, на твою семью. Или ты взаправду думаешь, что если не отдашь девочку, Темный не найдет способ взять? Треба, должна быть добровольной, но Темный потому и Темный, что дорожкой кривды идет, коли выбрал, не отступит.

– Не отдам я кровинку свою! – заплакала Любань.

– Цыть, ты мать, не реви. Не отдаем, вот наше последнее родительское слово. Кончен разговор, – Михась поднялся из-за стола.

– Пойми, Михась, сегодня не отдашь, а завтра сам просить Темного будешь, чтобы взял, – тихо сказал Никита.

– Как так?

– Вот так. Сгорит к примеру изба твоя, да скарб весь, да скотина, да по деревне мор начнется. Сам тогда, просить станешь, чтобы ведун Милану забрал. Али смотреть будешь, как твои дети замерзают да с голода пухнут? Хуже всего, что каждый в деревне знать будет, почему лихо в семьях приключается, почему скотинадохнет, да зерно не родит. Я понимаю, Славия понимает, что дите, не причём. Думаешь, все такие понятливые будут? Не забьют Миланку с тоски или с горя ополоумев? Вот, о чем подумай Михась, и ты Любань мужика своего вразуми. Что вы девочке дать сможете, теплую печь, каравай, а как заневестится, Петра-пастушка в женихи? У нее другая судьба сложиться может, ни одна Жрица еще пропадом не пропала. Люди сказывают, в богатстве, шелках, почете живут, потому, как знания у них древние и силища такая, что простому смертному не понять.

– Не отдам, и весь сказ. Завсегда я гостям рад, да сегодня, не до разговоров мне. Никого с порога своего не гнал, а вас и видеть не хочу. Подь дед с глаз моих, подь, а то с собой не совладаю.

– Ладно, Михась, ты понятное дело, сгоряча все это сказал. Знаю, мужик ты хороший, умный, зла на тебя не держу. Подумай, что к чему. Утро вечера мудренее. Лютый дал ночь на раздумье. Чтобы ты не решил, мы никому не скажем, зачем Лютый пришел в деревню, но сам знаешь, шила в мешке не утаить. Лютый в случае отказа, молчать не станет, ославит ваш род на всю деревню, да не только на нашу, и в поселеньях ближних и дальних слух пойдет, про отказ Темному. Ты должен понимать, что съехать тебе придется со всем семейством. В наших краях тебе и Милане жизни не дадут. Пошли мы, ночь на дворе, а вы хозяева думайте.

– Что будет Михась, что будет? Любань кусала губы, чтобы не кричать в голос. Что делать нам? Давай, отдадим Миланку, а то быть горюшку, -и женщина заплакала, уткнувшись в рушник. Плакала Любань, а сама не знала от чего слезы льет– то ли от радости, что нелюбимая, непонятная ей девочка наконец– то уйдет, то ли от злости на себя, что не жалеет, не любит собственного ребенка.

Муж, погладил жену по голове, чего отродясь не бывало: Не плачь Любань, не плачь, все обойдется. С этими словами вышел Михась в сени и пошел к лесу. Любань бежала за ним, поняла, что к Лютому муж собрался.

– Стой Михась, стой!

– Ступай в дом Любань, ничего я ему не сделаю, поговорю только. Ступай.

Глава 6

В лесу, на удивление, было светло, что днем. Небо было усыпано звездами, они горели и искрились, отражаясь в сугробах, освещая запоздавшим путникам дорогу.

– Меня ищешь, Михась? Сказать хочешь чего, али просто так пришел? Лютый, вышел из-за раскидистого дуба.

Ведун был на пол головы ниже Михася, да и в плечах не так широк, но Михась понимал, что сила Лютого иная, не как у простого человека, не справиться с ним в обычном бою.

– Верно, мыслишь Михась, не одолеть тебе меня, никак не одолеть. Да и ты не биться пришел. Сказывай, зачем я тебе понадобился? Что хочешь, знать? Вижу, любишь ты дочь свою, так, как мало кто любить может, потому ничего не утаю. А то, пойдем со мной на поляну, что я облюбовал для ночлега, там и огонь горит жаркий и кулеш подоспел. Лютый развернулся и направился по проторенной тропинке к своей поляне.

– Твоя правда ведун, у огня нам разговоры разговаривать будет веселей, – с этими словами, Михась, пошел следом за колдуном.

Лютый сел у огня, рукой указывая место рядом с собой. Михась, не заставил себя упрашивать, присел к огню, и тот час небольшой костерок разгорелся с силой пожарища, осветив лесную чащобу ярким светом.

– Это, чтоб нам с тобой не замерзнуть. Разговор долгим будет.

– Почему ты выбрал мою дочь? Почему выбрал Милану?

– Выбираю не я, выбирает Темный. Глянул на твою девочку и понял, что суждено ей стать Жрицей. Я долго искал, очень долго. Твоя дочь особенная, ты и сам не мог этого не заметить. Один взгляд чего стоит, маленькая, что птичка, а взгляд здорового мужика насквозь прожигает. Лес девчонка твоя любит и знает, разговаривать с ним умеет, народец лесной ей помогает. Суждено ей стать ведьмой, тут и спорить тебе со мной бессмысленно. Да, только я не просто ведунью-знахарку из нее сделаю. Станет она Жрицей, многое узнает, многое сможет. Про нее будут говорить, ее будут слушать, да ослушаться не посмеют. Князья в ноги упадут, богатствами одарят, коли того пожелает. И тебе Михась и роду твоему почет и уважение. Соглашайся! Нет, у тебя иного выбора. Старейшины тебе рассказали, что будет в случае отказа. Кара придет незамедлительно, и если бы только тебе Михась, если бы только семье твоей. На весь род проклятье перейдет, на всех потомков твоих. Не будет вам счастья. Вот еще, что скажу напоследок. Девочка твоя с даром родилась, слышит она, что вы, не слышите, видит, что вы

не видите, не сдюжить ей с силой этой в одиночку, не сдюжить. Такой силой уметь надо пользоваться, наставник ей нужен, кто сам ведает и знания передаст, иначе погубит себя девка. А чтобы слова мои кривдой да напраслиной не казались, покажу я тебе одну сказку. Видишь, не расскажу, а покажу.

Лютый взял котелок, зачерпнул несколько пригоршней снега, как только снег растаял, превратился в воду, Лютый зашептал заговор. Смотри Михась, смотри внимательно.

Вода пошла рябью, показался силуэт, с каждой минутой он становился отчетливей, образ в воде оживал на глазах. На Михася смотрела Рада, его Рада, молодая, задорная.

– Здравствуй Михась, здравствуй любимый. Помнишь меня, помнишь свою Радушку? Вижу, не забыл. Что же ты так скоро женился? Не успела тропинка зарости, по которой отец меня увез, как ты жену в свой дом привел и детишками обзавелся. Что же не догнал нас тогда? Клялся любить меня до самой смертушки, говорил, что ветру на меня пахнуть не дашь, что жизнь я твоя. Все врал ты мне, все врал. Ждала я тебя Михась, ждала, что нагонишь отца, да отберешь меня. Рада заплакала.

Михась, ошарашено смотрел в воду. Он не верил своим глазам. Рада, живая, здесь на поляне. Смотрел и не мог вымолвить ни слова.

Лютый провел рукой над водой, изображение исчезло, так же быстро, как появилось.

– Понимаешь теперь Михась, что к чему. Кем может стать твоя дочь, чему ее могу научить? Ты свою жизнь сломал, жизнь Любани загубил, не счастлива она с тобой, еще молодая баба, а уж глаза выплакала, что старуха скорбная на мир смотрит. Жены своей ты не уберег, любви и радости ей не дал, так, хоть дочке помощи. Обычно, Жрецы уводят девочек подальше от родного дома, а я рядом с вами оставляю, да видеться с ней позволю. В лесу этом будет жить. Не потеряешь дочь, как Раду потерял. Уйдет она от вас, когда сама того пожелает, или когда Темный ее позовет. Решайся. Обдумай все до утра. Коли завтра согласишься, дам ей время до прихода весны, с вами пожить. Видишь, Михась добрый я. Теперь ступай, и моя доброта имеет границы.

Михась встал и пошел пошатываясь, что медведь. Рада, его Рада, только, что была рядом с ним, упрекала, что отказался он от нее. Верно, Лютый сказал, загубил он свою жизнь, и Радину загубил, и Любани сломал. Почему тогда не поехал он за беглецами? Почему, так быстро матери поверил, что с другим Рада уехала, а отец ее сбежал от стыда да срама? Теперь с Миланой, дочкой любимой расставаться приходится. Как с ней расстаться? Она единственная, кто его понимает, кто так похож на Радушку.

Как только Михась исчез из вида, Лютый добавил снега в котелок, поставил снова на огонь, вода запыхала, закрутилась, и на этот раз в водном отражении появилась рыжеволосая ведьма.

– Ну, как тебе Лютый я в образе несостоявшейся невесты? Хороша, правда? Хоть бы мужик, не загнулся по дороге. Ты хранителя к нему приставь. Вишь, как распереживался.

– Ничего ему не делается. Ты Морина, и правда, хороша! Иногда, жалею, что зарубил тебя.

– Опять ты об этом! Только я забуду, так, ты не смолчишь, напомним.

– Если бы не ты, жил бы я другой жизнью, человеческой, не скитался по белому свету, не маялся.

– Сам во всем виноват. Негоже, ночами по лесам за девками гоняться. Сидел бы в избе, носа своего не высывал в навий час, когда нежить по миру без стеснения бродит, жил бы тогда жизнью человеческой.

Лютый, сжал кулаки.

– Не сердчай Лютый, – ведьма потупила глаза, – Я ведь только отражение, Тень, дух бесплотный. Ты и сделать мне уже ничего не можешь. Говори зачем звал? Что тебе от меня надо?

– Ты, Морина, Жрица последняя, после тебя я ни одну деву так и не смог обучить, посмотри на девчущку. Что скажешь?

– Нашел, таки? – глаза Морины, загорелись недобрым огнем. Все еще хочешь от меня избавиться. Знаешь ведь, как только новая дева станет Жрицей, я не смогу приходить в Явь.

– Морина ты приходишь сюда на один день в году. Что тебе от этого дня?

– Лютый, а ты не понимаешь, что я чувствую, когда по жилам кровь горячая бежать начинает, когда сердце бьется, когда мир вокруг красками цветет? Хочешь отправить меня навсегда в навь? Разве нам плохо вместе? Я оживаю на день в году, ты странствуешь, обрел знания. Что тебе до той-прежней жизни? Как ты мог ее прожить? Что увидеть? В драке бы тебя зашибли, или князь осерчал, да на кол посадил. Сколько ты уже живешь, Лютый, сколько? Сто лет, сто пятьдесят? Все кого ты знал, за Калинов мост ушли, а ты жив, и сила твоя растет день ото дня, множится. Жаль, слышать богов, так и не научился, но ведь есть я. Я всегда тебе помогаю, и так мало прошу? Один день. Все остальное время, я твоя прислужница. Зачем нам кто-то еще?

Лютый внимательно посмотрел на отражение в воде.

– Морина, многие девочки погибали. Не ты ли поспособствовала? Твоих рук дело?

– Моих, Лютый, моих. Ты глуп и слеп и мог обо всем догадаться раньше. Я жить хотела, ты убил меня, а теперь думаешь, что добровольно уйду в Навь? Ошибаешься. Умрет каждая, кто попытается занять мое место. Береги свою Милану и без присмотра не оставляй. Не убежишь – пеняй на себя. Пока новую Жрицу Темный не принял, Жрица есть и буду я.

Лютый с размаху пнул котелок, тот пролетел над огнем и упал далеко в лесу. Вода пролилась в костер, зашипела. Изображение исчезло в пламени, а хохот Морины все звучал над поляной. Как можно быть таким глупцом? Столько лет скитаться и не понять, насколько хитра и расчетлива Морина. После ее смерти, прошло немало времени, прежде чем он понял, кем стал, осознал и смирился со своей новой ролью и новой жизнью. Понемногу, к нему стали приходить знания. Он получал их во сне, как только от усталости смыкал глаза, приходили образы, слова заговоров, древние символы и руны. Он просыпался и понимал, что может управлять огнем, или знает, как остановить кровь, может создать защитный оберег, вызвать дождь. Многим премудростям научился Лютый. Одно было ему неподвластно – он не слышал богов, не слышал Темного. Редко очень редко, сам Темный оставлял ему знаки, которые он в силах был понять, но большей частью Лютый оставался слепым и глухим к посланиям хозяина. Ведун разбирал лишь зов пути, ощущая его – вставал и шел, на поиски новой девы. Этот зов был бесконечным, таким же бесконечным и страшным, как и жизнь Лютого. Одним днем, ведун разжег костер, поставил воду для похлебки, ему страстно захотелось с кем– то поговорить, излить душу, рассказать, как он устал, как не хочет такой жизни. Вспомнил Морину, ее глаза, лицо, губы, огненные волосы, тонкий стан, случайно глянул в воду и увидел женский силуэт, чем сильнее было воспоминание Лютого, чем ярче он себе представлял женщину, тем четче становился образ в воде, картинка ожила.

– Здравствуй, сокол мой, – сказала в тот раз ему ведьма. Долго мы не виделись! Как ты без меня? Скучал, или ничего, привык?

Морина дала Лютому обещание, что станет для него посланницей от Хозяина. Нет ее больше в мире явьем, но и в Навь она окончательно не ушла. Стала бесплотной тенью, и как Темного слышала, так и продолжает слышать, и сможет оказать Лютому услугу. Взамен, ведун даст ей один день в году, когда она будет возвращаться в тело красавицы, и сможет вдоволь наревзаться и накуражиться.

Так они и жили. Лютый искал дев. Ведьма помогала ему, где– советом, где– знаниями, а иной раз звал ее Лютый поговорить, хоть и одичал он давно, но особенно в стужу зимнюю, хотелось ему тепла человеческого, да голос нежный девичий услышать. Больше он ни на что рассчитывать не мог, не мог позволить себе слуга Темного, дом, жену, детей, хозяйство, обыч-

ные радости и заботы. Лютый все еще оставался человеком, и пусть душа его огрубела, а нет-нет, да и подумается: если найду Жрицу Темному, может отпустит меня? В такие дни звал он Морину, звал, и не догадывался, что мстит она ему, мстит за свою смерть. Если бы не она, Лютый бы давно нашел и воспитал подходящую деву, но, Милану он ей не отдаст, уберезет..

– Враги Морина мы отныне, слышишь меня – враги! Не вставай на моем пути, уничтожу! – ответом Лютому был лишь протяжный волчий вой.

Глава 7

Михась шатаясь, не помня себя, добрал до дома, присел на крыльце. В избе было темно, лишь слабый огонек горел в окошке. Любань ждала его. Как в глаза ей смотреть, что говорить, мужчина не знал. Как жить ему теперь, зная, что все могло сложиться иначе? Другая женщина могла стать хозяйкой в его избе, матерью детям – та, с которой он бы и в огонь и в воду, та, которую любил больше жизни своей. На крыльцо вышла Любань. Глянула на мужа, присела рядом.

– К колдуну в лес ходил?

– Ходил, Любань.

– Говорил с ним?

– Говорил.

– Что порешили? Что с Миланой?

– Не спрашивай меня жена ни о чем, нечего мне тебе сказать. Только знай, Милану я не отдам никому.

– Да, Михась, я знаю это. Любишь ты ее, пуще всех любишь. Только девчонка эта тебе и дорога, а мы для тебя, как и не существуем. Скажу тебе Михась, один раз скажу. Иссушил ты меня своей нелюбовью, сердце мое так исплакалось, изболелось, что перегорело к тебе все. Зачем ты на моем пути повстречался, зачем я пошла за тебя? Знала, ведь, что без Рады своей не сможешь жить, видела все, да любила тебя так, что затопила меня эта любовь, что река по весне. А жизнь вон как сложилась, пусто у меня теперь на сердце. Ждала от тебя хоть одно словечко ласковое, хоть один взгляд. Не дождалась.

– Зачем, ты так Любань? Разве обидел я тебя хоть раз за всю жизнь?

– Да лучше б обидел ты меня, лучше б избил, отругал, чем твое молчание сносить, да видеть, что не любя я тебя, не желанна! Засыпать и ждать, что ты во сне снова Радую звать будешь. Жизнь такая короткая Михась, такая короткая. Оглянуться не успела я, как пролетела она, что птица, да вся мимо меня. Горько, то, как горько. Женщина тихонечко заплакала.

– Ступай в избу жена, студено на улице. Я этот разговор забуду, и ты не вспоминай, жить будем, как жили, не плачь, не рви ни свое сердце, ни мое. Не до обидок сейчас промеж нами. Важное надо решить. Что не люблю я вас, это ты зря. Все мои дети мне дороги одинаково. Никого бы я не отдал. С этими словами, мужчина поднялся и вошел в избу, за ним тихонько вошла жена. Разговоры разговорами, да негоже детишек будить да тревожить.

С тяжелой головой лежал Михась, сон не шел. Надо было принять решение. Мог он говорить, сколь угодно, что не отдаст Милану, да понимал прекрасно, что наказание за отказ будет суровым. И семью может погубить и всю деревню. Какая судьба ждет дочь рядом с ним? Зане-веститься, выскочит замуж, за пастуха какого или пахаря, вот и вся ее судьба. Милана на других не похожа, тонкая, нежная, тяжелый труд не для нее. С Лютым вся ее жизнь изменится, может и впрямь, с князьями знаться будет, так размышлял Михась, да не заметил, как уснул.

По богатому торгу идет девица, смоляные волосы заплетены в тугую косу, синие глаза, что звезды сияют, тулупчик на точеной фигуре подбит горностаем, на ногах сапожки тонкой работы, на узких запястьях позвякивали браслеты.

– Батюшка, глянь на меня, как я тебе, хороша ведь? Глаз не отвести.

Сон переменялся. Над тяжелым деревянным корытом, в котором запаривались всякие очистки для скотины, склонилась худая, изможденная женщина. Руки ее были в мозолях, спина перетянута теплым платком, женщина еле передвигалась по маленькой избенке, с трудом выполняя домашнюю работу, только синие, что небо глаза выдавали в ней прежнюю Милану.

– Ох, батюшка, тяжело мне! Забери меня, забери!

Сон изменился вновь, показывая лесную поляну и чистый ручей. У ручья, что-то нашептывая и сжимая в руках посох, замерла девчушка. Она взмахнула рукой, и вода из ручья столбом взмыла ввысь, водяной поток все поднимался и поднимался, расплылся по небу облаком и пролился дождем. Дождь лил повсюду, да только не трогал девочку, над ней светило яркое солнце, она стояла и улыбалась, довольная своей работой. А глаза – синие, родные, любимы глаза.

– Моя девочка, моя Миланка, – подумал Михась во сне.

Над полынью склонилась женщина, рядом с ней были детишки, она озябшими руками выполаскивала белье. И смотреть на нее не надо было Михасю, чтобы понять, что это Рада.

– Здравствуй, Михась, давай поговорим напоследок. Больше не потревожу тебя, ни в видениях, ни во сне. Не сложилось у нас с тобой, не вышло, видать боги так распорядились, не суждено нам с тобой было парой стать, да любиться.

Михась, внимательно слушал женщину, запоминая каждую черту любимого лица.

– Судьбу можно изменить. Отдай девочку, в услуженье. Отдай любый мой, и тогда сможешь просить у Темного, что пожелаешь.

– Что же мне просить, Радущка? Все есть у меня. Ничего не надобно. Только б дети были здоровы да счастливы, в благополучии бы жили. Коли уж моя жизнь не склеилась, не сложилась, пусть бы у них все ладно. Более и не надо мне ничего. Я хоть и простой мужик, да понимаю, что такое у Темного просить нельзя.

– Не все ты понял Михась, не все. Рада печально усмехнулась. Много может Темный. Ты можешь попросить, чтобы мы были вместе. Хочешь быть со мной, а Михась? Люба я тебе еще? Стоит ли отдать девочку, за то, чтоб нам с тобой любовью нашей согреться?

– Как же Радущка, можно такое? Отдать дочушку, чтобы мне самому было хорошо. Жизнь свою мы отжили уже, семьи у нас. Никак нам вместе не быть, никак.

– Не прошу я тебя наши жизни рушить, семьи разбивать, навлекать на весь род проклятье. Хоть один денечек вместе провести, хоть одну ночь скоротать, а там, будь, что будет.

С этими словами Рада подошла к мужчине, обняла, прижалась всем телом, да так жарко поцеловала, что забыл тот обо всем на свете.

Женщина оттолкнула от себя Михася: Довольно. Показала я тебе, как может быть. Теперь выбор за тобой. Я или Милана. Помни, что у Темного девочка не пропадет, такая ей жизнь откроется, какую ты и представить себе не можешь. Не отдашь Милану, не быть счастьем ни твоему, ни моему, и ей счастья не видать. Так и будем слезы горькие лить, да не сложившееся помнить.

В одночасье, виденье исчезло, картинка растаяла, лишь след поцелуя на губах Михася горел огнем. Что если отдать дочку, подумалось ему, с тем он и проснулся, как первые петухи закричали. Сон то был или явь, он так и не понял, все, что увидел ночью, прочно врезалось в память. Видел он во сне счастье и несчастье человеческое, два пути, которые могут сложиться, а в ответе, за будущее он.

От избы к лесу мягко передвигалась Морина, заря только занималась, и у нее есть еще время уйти в лес и раствориться в остальных тенях. Хорошая сегодня была ночь. Не любила Морина людей, еще пуще, не любила им виденья показывать. С Михасем в радость себе сработала. Особенно, Рада ей удалась, и поцелуй жаркий. Он прибавил ведьме сил, дал человеческого тепла. Попила она из мужика силушки, власть. Надо будет к нему еще в снах позаха-

живать, раз сам ее впускает, чего же свое упускать? Она – Морина, должна сделать все, чтобы отец отпустил девчонку к Лютому.

Глава 8

Утро нового дня выдалось морозным, срывался легкий снежок. Дети проснулись в избе, поднялась Любань, занялась повседневными делами. Только, за что не возьмется, все из рук валится. Стала хлеб замешивать, муку просыпала, печь топить, так угли, из печи выскакивают, а она не замечает ничего. Спихватилась, когда чуть кипяток на себя не выплеснула: Что же это я? Так и до беды недолго. Михася в избе не было, ясное дело, спозаранку в лес ушел. Накормив детей, да наказав без нее не озорничать, Любань, потеплее закуталась в платок и пошла к бабе Славии. Та всегда помогала женщине, когда словом, когда советом, когда чайком травяным – добрым напоит, и на сердце от тех травок становилось светло и радостно.

Сегодня надобно со Славией потолковать, подумать, что делать с Миланой, да, как с колдуном быть, что ему обещать.

Любань постучала в оконце низенькой избы, и не дождавшись ответа хозяйки ступила в сени.

– Заходи Любань, заходи, еще с вечера тебя жду. Знала, что придешь. Что решили вы с мужем?

– Ох, бабушка, не знаю ничего. Михась вечером в лес ходил, с колдуном разговаривал, вернулся за полночь уже, наговорила я ему всякого, что за всю жизнь у меня накопилось. Он ничего, не осерчал, но только девчонку отдавать не хочет. Что делать бабушка, что делать? Я ведь Миланке тоже не чужая, мать как никак. Да, только, я так понимаю, что выучится она у колдуна. И ей лучше – судьба шанс дает, и нам не страшно с Михасем свой век доживать. Понимаю, чтобы проклятье на весь род, на всю деревню не навлечь, надо отдать девочку и дело с концом. Не старая я ведь, еще бы ему ребетенка одного народила. Михась слушать меня не желает, твердит свое – не отдам и точка. Решил сам, что отрезал. Любань села на лавку, подперла голову рукой. Не знаю бабушка, как жить дальше. Научи ты меня. Еще ночь такая страшная была, он вроде и спит, да во сне то смеется, то плачет, то стонет так, будто лихomanка его крутит, я разбудить, растолкать пыталась, ни в какую. С петухами первыми дурман его отпустил. А, по утру, и вовсе в лес ушел.

– Не кручинься Любань, тяжело ему, ты-мать, он-отец. Хоть пятерых ему народи, Милану не забудет-родная кровь, да и любит он ее больше других. Бабка протянула женщине плоску с отваром. Выпей, отойдет тревога от душеньки, одолень траву тебе заговорила, от тоски-кручины да слез бабьих.

Пока Любань пила отвар, бабка достала чашу с водой, свечу зажгла, стала тихонечко лить расплавленный воск в чашу с водой. Лила, смотрела и хмурилась, под конец гадания и вовсе стала мрачнее тучи. Слушай меня Любань: Лютый, этот колдун, сильный супротив меня, вывернет так, как ему надо.

– Что ты в воде бабушка видела? Сказывай, не скрывай.

– Сама смотри красавица. Увидишь и сразу все поймешь. Любань заглянула и обмерла, этот образ она часто корила и проклинала, разрывала на тысячу кусочков. В воде из воска свечного отлилась женская и мужская фигуры, переплетенные в жарких объятиях. Рада и Михась. Фигуры были точно живые. Угадала, кто это? Вижу, что угадала! Их в воде я и усмотрела, виделись они давеча.

– Как же возможно такое? Ведь ее нет в наших краях, давно нет.

– В наших краях может и нет, только виделись они. Отравила она его кровь своим ядом. Сомнения в душе поселила. Говорила я тебе девка, что не нужен тебе Михась, себя с ним забудешь. Не поверила ты мне. Мой будет, мой, все твердила. Помоги бабка, да помоги. Помнишь, Любань?

– Помню бабушка, как забыть?

– То– то, и оно девка. Присушила ты его. Легче тебе стало? Хоть годок счастливой походила? Иль все оглядывалась, и счастье спугнуть боялась? Было ли оно у тебя, счастье это? Чужой был тебе Михась, чужим и остался. Вроде и вместе вы с ним столько лет, и дети у вас, и хозяйство, а все разными дорогами идете.

– Ругаешь меня, что ли, бабушка, в толк не возьму?

– Нет, Любань, жалею. Знаешь ведь, люблю тебя, как родную, да помочь ничем не могу. Себя ругаю, что пошла у тебя на поводу, научила, как мужика приворожить. Былого не вернешь Любань, теперь смотри в оба. Сдается мне, не Рада то возле Михася крутится, не настоящая Рада. Как только в воде ее образ рассмотреть хочу, к себе приблизить, плывет все перед глазами, словно мороком мне их застили. Подослал кого-то к Михасю в облике Рады колдун. Своего добивается, чтобы девочку вы ему отдали. Я так поняла, ты не против Милану отдать из дома.

– Не против я, бабушка.

– Тогда пусть все остается, как есть. Супротив колдуна, силенок у меня маловато, даже стараться не буду, и ты выжидай. Отдаст твой мужик девочку.

– Это ты тоже в воде увидала?

– В воде милая, в воде. Ступай домой и не думай ни о чем. Как судьба распорядится, так и будет, ты не вмешивайся, жди.

Любань поднялась с лавки и вышла.

Славия, после ухода женщины, опять зажгла свечу и стала всматриваться в восковое изображение. Кто же эта Рада, которая и не Рада вовсе? Сколько бабка не смотрела, ничего нового не увидела, изображение плыло и растекалось. Скоро все разрешится, Лютый ждать не станет, возьмет причитающееся, да пойдет дальше.

В избу постучали, то был Никита. Пора Славия собираться, скоро Лютый заявится, надо ответ держать. Чую, не отдаст Михась девочку.

– Не переживай Никита судьба девочки уже разрешилась, все, что надо Михась надумал. Любань у меня была, сказала, спозаранку ушел Михась в лес. Думается мне, сам он все Лютому и обскажет, без нас разберутся.

Глава 9

Михась, и правда, с рассветом отправился в лес. Лютый его уже поджидал.

– Решил что Михась? Или так, на огонек заглянул, о житье-бытье потолковать.

– Чай, не баба я лясы точить. Пошли со мной. Михась повернулся и быстрым шагом направился в самую чащобу. Шли мужчины долго, сугробов за зиму намело с половину человеческого роста, идти было тяжело.

– Куда идем, а Михась? Скажешь?

– Отчего же не сказать, тем более пришли мы уже. Смотри.

Перед глазами Лютого открылась чудная картина: посреди густого непроходимого бурелома спряталась маленькая полянка, деревья скрывали ее от посторонних глаз и сильных ветров. На поляне стоял деревянный сруб, неказистая с виду избенка, но было понятно, что крепкая, добрым мастером рублена, из трубы шел дымок.

– Кто там обретається?

– Пока никого, а будешь – ты с Миланой.

– И печь, что ли там есть?

– Есть. Зимовье, тебе свое отдаю. Не знает про него никто. Сложил две зимы назад, здесь и ночую, когда с охотой припозднюсь, а бывает, и по несколько дней живу, когда зверь идет, или дрова готовлю. Пойдем, еще тебе одну диковинку покажу. Вот то, на самом деле чудо.

Лес за избой был уже не таким густым и непроходимым, больше напоминал просеку. Пройдя, совсем чуть– чуть по тропинке, мужчины услышали шум воды. Лютый, удивился, стужа зимняя, а вода льется, журчит.

– Родник здесь, ключ бьет, не замерзает вода никогда и не высыхает. Вкусная. Пил бы ее и пил.

– Волшебное место у тебя Михась.

– Отдаю, забирай. И дочь отдаю. Только помни Лютый, обидишь ее, где бы ты ни был, куда бы не ушел, из наших мест, везде тебя найду. Хоть колдун ты, хоть ведун, хоть чародей, а все одно спрошу с тебя. Бери, девочку, учи ее, только береги, пусть, родной тебе станет. Захочу с ней свидеться –приду, не мешай нам тогда. Не бойся, часто ходить не стану, Любань тоже вас не потревожит.

Сказал ты, как придет время, уйдет она. Девка, на то и девка, завсегда, с порога отчего к мужу уходит. Даже если дома ее оставлю, тебе не отдам, как заневестится, придется от себя отрывать. Посему пообещай, что не уведешь ее, покуда, в пору девичью не войдет. И еще одно обещание дай, уж коли берешь Милану к себе, то труда тяжелого она не узнает, все, что сам знаешь, то и ей передашь. Принимаешь эти мои условия?

– Договорились Михась, по рукам.

– Могу тебе верить Лютый? Чем докажешь, что не обманешь меня?

– Разве поверишь ты мне Михась на слово? Делом тебе докажу, что все без обмана. И первое свое обещание сдержу, заберу девочку весной, а пока живите, как жили.

– Как жили уже не выйдет, растревожил ты мою семью Лютый, разбередил душу. Девочке мы до поры ничего не скажем, но и ты в деревне не появляйся. Избу я тебе отдал справную, в ней все жизни есть, зиму перезимуешь. А как Милану я привезу, так и еду привозить стану, чтоб ты голодом ее не уморил.

Лютый, засмеялся: Ты Михась говори да не заговаривайся. Я, да у мужика на содержании.

– Не ты, а дочка моя. Об тебе мне заботы нет. На лице Михася не было и тени улыбки.

– Ладно, Михась не хмурься, потом поговорим. Вижу я, не все ты мне сказал, что-то еще тебя гложет.

– Коли я девочку добровольно отдаю, так могу у Темного взамен чего испросить?

– Что тебе надобно?

– Желание у меня одно -Рада.

– Ты из-за нее дочь отдаешь?

– Нет Лютый. Нет. Что я ей дать могу? Бедность да тяжелый труд. Другая она, не сможет, как все, ее беречь надо. Князя ты ей обещал. Придет время, я все обещанное ей с тебя Лютый спрашивать буду. Вот как думал я, когда тебе дитя решил отдать. Но и Раду ты мне не зря показал, жить теперь спокойно не смогу, пока в яви ее перед собой не увижу, настоящую, пока к себе, пусть на миг не прижму, а там и умирать не страшно. Милану на Раду никогда бы я не сменял, дочь мне дороже всех.

– Хорошо Михась, отдашь девочку и скажешь свою просьбу Темному. Я научу, как сделать, чтобы услышал он тебя.

– Тогда все Лютый, живи здесь, а я к себе пошел -домашних успокою, да и старшинам надо наш разговор передать, все ждут, всем тревожно. С этими словами Михась, повернулся и пошел прочь от избы.

Лютый решил осмотреться, да проверить все на полянке. Подошел к ручью, достал из-за пазухи маленький кувшинчик, набрал водицы. Зашептал: Все помнишь, все хранишь, все при-вечаешь, по миру течешь, не истекаешь, свет белый поишь, омываешь, так омой, вода ключевая, нареченного Михася, запомни, сохрани, все слова его, все думки, черные да белые, явные да потаенные, образ его запомни. Да, по слову моему, по воле моей, тот образ мне кажи, все, что было сказано, да им приговорено в сей час и миг, расскажи.

Нашептав эти слова на воду, Лютый подождал несколько минут, затем снова обратился к воде: Кажи мне сестрица– Михася, кажи слова его, кажи думки, кажи образ. Вода всколыхнулась, возник Михась , словно живой, будто и не уходил из леса, да все, что Лютому сказал, все вода запомнила, все сохранила. Голос Михася звучал на поляне, будто разговор между мужчинами происходит снова. Говорит Михась Лютому, что хотел бы, хоть разок Раду свою увидеть. Спрашивает его Лютый: Так ты что Михась Милану на Раду меняешь, и отвечает ему Михась – нет, ни за что, дочь ему дороже всех на свете.

Усмехнулся Лютый: Эх Михась, Михась, не знаешь ты силы ведовской.

Склонился Лютый над кувшином, прошептал новый заговор . Изменил ведун ответ Михася , заменил правду кривдой. Снова голос Михася разносится по лесу, криком мужик кричит, что отдает Милану в услужение Темному, только, чтобы с Радой быть, никто кроме нее ему не надобен, ни Любань постылая, ни дети, ни Милана. Душу за Раду готов отдать, не то, что девочку.

Поплатился ты Михась за свою глупость да веру людям. Некуда тебе деваться, коли передумаешь. Недобро прищурившись спрятал ведун наговоренную воду в поясную сумку и вошел в избу.

ЧАСТЬ 2 ЛЕРА

Глава 1

Лера неспешно пила свой утренний кофе в офисе. Куда торопиться? День только начался, и можно было насладиться дождем барабанившим по стеклу и ароматным напитком. Она очень любила дождь, точнее даже не сам дождь, а его музыку. Знакомые всегда удивлялись такой ее фразе -музыка дождя. Какая может быть у дождя музыка, льет себе и льет, называли чудачкой, когда она прикрыв глаза что –то мурлыкала себе под нос, в такт падающим каплям. Лера слушала дождь, пила кофе, и чтобы не чувствовать себя бездельницей, начала просматривать рабочую почту. Одно из писем оказалось рекламным спамом, агитировавшим любого заинтересованного покупкой цветных контактных линз. С монитора на Леру смотрели улыбающиеся девушки, цвет глаз у них постоянно менялся – карие, зеленые, даже разноцветные. Кошмар какой, подумала Лера, собираясь закрыть страницу, но тут на экране появилась девушка, с невероятными – синими глазами. Цвет был очень необычный, ни голубой, а именно синий – пронзительный, завораживающий, редкий. Девушка была брюнеткой, со смуглой, явно, покрытой автозагаром кожей. Весь облик был продуман стилистами до мелочей, чтобы оттенить цвет глаз. Закрыв страницу, Лера нахмурилась: Интересное лицо, где я могла ее видеть?

– Ах, да! Сон. Всю ночь Лера не могла заснуть, то ей было жарко, то стало холодно, потом захотелось пить, она ворочалась не находя удобного положения. В окно ярко светила полная Луна. Подойдя к окну Лера залюбовалась видом. Луна, казалась, серебряной, от нее исходила особая магическая сила. Глянешь, и взгляд не оторвать.

– Теперь, я понимаю волков, – усмехнулась Лера. Можно часами выть на такое совершенство. Девушка легла в постель, и мгновенно уснула.

Она бежала по заснеженному полю, проваливалась глубоко в снег, падала, поднималась, слезы градом катились из глаз, дышать становилось все сложнее. В очередной раз споткнувшись, за спрятавшуюся под снегом корягу, упала, и на какой– то миг потеряла сознание от сильного удара. Очнулась на руках у мужчины, закутанная в тулуп. Рядом фырчали кони. Мужчина крепко держал ее в объятьях. Не вырваться, никак не вырваться на свободу, не сбежать от него ей никогда. Тоска и страх, заполнили женщину целиком.

– Как же я ненавижу тебя Лютый, как ненавижу, если бы только мог себе представить!

– Это для меня не новость Милана, ненависть сколько душе угодно, достаточно того, что ты мне нужна. Сама поедешь, или к моему седлу тебя привязать?

– Сама. Девушка посмотрела на него своими бездонными, синими– синими, что небо, глазами.

– Глаза спрячь, и не зыркай на меня, девка.

– Ох, Лютый, может мне эти глаза выколоть. Не было бы их, и тебя бы проклятого в моей жизни не было никогда.

В ответ Лютый ударил девушку по лицу и кинул в сугроб.

– Сама себе седлай и догоняй меня, ждать не буду.

Милана лежала закрыв глаза: Хоть бы замерзнуть здесь, не проснуться больше никогда.

– Замерзнуть не надейся, не дам, – словно, прочитал ее мысли Лютый. Подошел к ней, наклонился, погладил по голове.

– Все, Милана, все, хватит на сегодня, не дури, девочка. Седлай и догоняй меня, я тихо поеду.

У Леры прозвенел будильник, резко выдернув девушку из сна, так резко, что она позабыла, все, что ей привиделось, осталось лишь чувство тревоги и неудовлетворенности. Просмотрев рекламный ролик, она вспомнила свой сон. Кошмар, на границе с явью. Лютый и Милана. Давно они не появлялись в ее жизни.

– Неужели опять? Лера затрясла головой, прогоняя охватившую ее панику. Все в прошлом. В прошлом. Давно забыто, погребено и исчезло вместе с Михаилом.

– Валерия Сергеевна, зайдите, пожалуйста, к шефу. Без вас рвет и мечет. Только вы его сможете утихомирить. С таким сообщением-скороговоркой в кабинет без стука влетела взвинченная донельзя секретарь генерального. Ой, извините, не постучала.

– Здравствуйте, Светочка. Что на этот раз?

– Да, кто его знает? Приехал, злой, как черт. Кофе ему холодный, сахара мало. Вызвал менеджеров, устроил разнос. От меня требует какие-то контракты с банком, вроде бы он мне их две недели назад давал в работу, а я никак не сделаю. Света всхлипнула. Вы же знаете меня Валерия Сергеевна, у меня ничего не теряется, я все записываю, ничего не забываю. Какие у меня могут быть контракты, я же, слава Будде, секретарь, а не юрист. Красный весь, взъерошенный орет, что уволит.

– Кого уволит, Светочка? Вас? Лера, улыбалась.

– Нет, не меня, – хмыкнула девушка. Еще тот директор не родился, чтобы меня уволить!

– Знаю Светочка, знаю, вы самое ценное, что у нас есть. Мы в следующий раз, когда кредитоваться станем, вас и заложим, вместо имущества.

Света прекратила всхлипывать и расплылась в улыбке.

– Валерия Сергеевна, обязательно учтите, что кредит – в евро, на страшные миллионы, и председатель правления банка – жгучий брюнет спортивного телосложения.

– О чем речь, Светлана? Мы не продешевим! Женщины улыбались друг другу. Так, кого уволить собрался наш Крокодил?

– Кого? Ах, да дворника же – Хакима! Шеф, из машины перед офисом вышел, поскользнулся, и на задницу приземлился. А как он хочет? На улице не май месяц – конец ноябрь на календаре. Гололед страшный, я еле от метро дошла. И ничего, не ору на всех, как ненормальная. Хаким, молодец, с пяти утра парковку вычищает, ночью метель мела, а утром дождь пошел. Странно конечно, снег кругом, и дождь льет, но что поделаешь? Шеф поскользнулся. Промок насквозь, на штанине дыра. Смешной. Все ржут, а он бесится. Пойдемте к нам, Валерия Сергеевна. Пойдемте. Я вам кофейку сварю, крепкий, как вы любите.

– Светочка, душа моя, почему все хорошее всегда мне? Лера улыбнулась. Света поняв, что это шутка, и конечно же, Лера возьмет удар на себя, засмеялась в ответ.

– Так вы же наше солнышко, Валерия Сергеевна! Мы же вас так любим, пойдемте скорее, голубчик, пока Крокодила удар не хватил.

Шефа ласково, за глаза, называли Крокодилом. Был он человек незлобный, но взрывной. Временами спокойный, можно даже сказать добрый, но если его разозлить, разорется так, что весь офис ходуном ходит, слышно на всех этажах. Крокодил и есть, говорили в такие моменты служащие, стараясь, незамеченными, прошмыгнуть мимо кабинета директора.

Вслед за Светой, Лера поднялась на этаж выше. Офис вымер. Обычно, в это время в приемной собирался народ. Кому подписать, кому согласовать, кому переговорить. Сегодня стояла гробовая тишина, в приемной никого не было.

– Понятно, вздохнула Света – мышки в норках.

– Скорее, Света, все окопались и ждут наступления темноты. Варите нам два кофе, а я пошла. Если, что не поминайте лихом. И знаете Света, позвоните ка домой, домработнице Гаврила Николаевича, пусть с водителем передаст ему новый костюм. Он какой порвал?

– Серый.

– Пусть отправит ему, синий или бежевый.

– Все то вы знаете Валерия Сергеевна, наперед. Откуда?

– Опыт, Светочка и годы общения с ним. Ладно, пошла.

– Вас перекрестить?

– Лучше исповедовать. Женщины захихикали.

– Гаврил Николаевич, позвольте? Лера без опаски вошла в кабинет шефа. Крокодил сидел насупившись.

– Скажите мне, любезная Валерия Сергеевна, чему вы так улыбаетесь? Что у нас с платежами, арест со счета сняли? Мы, между прочим, по вашей вине, потеряли деньги. Если бы счет не заблокировали, мы бы под проценты на несколько дней свободные средства кинули. А, так лежат мертвым грузом, не вашим не нашим.

– Почему по моей вине? Я поясняла вам в среду, что вины финансового отдела нет никакой, виноват провайдер. Мы, со своей стороны сделали, все, что от нас требовала налоговая. Так, что Гаврил Николаевич, все претензии к всемирной паутине, а финансовый отдел, за качество интернет услуг не отвечает. Я вам зашла сообщить лично, что арест со счета снят, и можно на пару дней средства, все же, разместить. Половину мы потеряли, конечно, точнее не заработали, но еще половину можно наварить. Вы можете поручить юристам начать тяжбу с провайдером, ведь это по их вине, мы несем убытки, пусть они и платят. Лера говорила подчеркнуто вежливым, холодным, менторским тоном, зная, что шеф этот ее тон на дух не переносит.

– Будет вам, Валерия Сергеевна, не обижайтесь на старика. Присаживайтесь, хочу обсудить с вами нашего возможного подрядчика. С виду мужик надежный, фирма солидная, с именем, и предложение у него для нас очень интересное, но, что-то меня беспокоит. В чем дело не пойму. Сегодня он в офис приедет на переговоры, может, и вы к нам присоединитесь? Вы же знаете, Валерочка, как я доверяю вашей интуиции и знаниям. Шеф расплылся в улыбке, видя, что Лера присаживается напротив него, и готова обсуждать дела.

В кабинет заглянула Света. Гаврил Николаевич, кофе?

– Давайте Светочка, давайте, вы уж на меня зла не держите. Разошелся я сегодня, дождь этот проклятый, колено со вчерашнего вечера ноет, на Хакима наорал. Извинюсь, обязательно извинюсь вечером.

– Да, уж Гаврил Николаевич, Хаким парковку с пяти утра чистил, песком посыпал, а вы на него так.

– Света, мне и так совестно, прекратите делать из меня монстра, лучше скажите в бухгалтерии, пусть премию небольшую Хакиму выпишут.

Лера засмеялась. Знаете, дорогой шеф, узнав про премию, сейчас весь офис кинется расчищать парковку.

– Скорее, они запинаят меня ногами. Умеете вы Лера подобрать ко мне ключик. Света, пожалуйста, позвоните моей домработнице, пусть привезут чистый костюм.

Света хмыкнула. Уже в пути ваши костюмчики, два на выбор синий и бежевый.

– Спасибо, Света.

– Не меня благодарите, а Валерию Сергеевну, это ее заботами вы сегодня не простудитесь.

Шеф признательно глянул на Леру, но ее лицо было непроницаемо.

– Так, что там новый подрядчик?

– Подрядчик? Ах, да Лерочка, сейчас я вам покажу предварительный договор с ним. Вы посмотрите внимательно, изучите, и к часу дня приходите в переговорную.

– Василий Сергеевич будет?

– Да, Лера, придет обязательно. Знаю, не любите вы друг друга, но это его клиент, поэтому Вася тоже будет присутствовать на совещании.

Кофе был вкусным и ароматным, на минуту в кабинете воцарилась тишина, и шеф и подчиненная были кофеманами, и не могли по достоинству не оценить стараний Светочки.

– Гаврил Николаевич, может и Свете премию? Оба рассмеялись шутке.

Лера пришла в фирму молодой девочкой, с красным институтским дипломом и небольшим опытом работы. Начинала помощником секретаря, Гаврила Николаевича не боялась, поняла, что он человек хоть резкий и взрывной, но очень порядочный и справедливый. В свою очередь, генеральный, ценил Леру за ум, сообразительность, стремление к знаниям. Именно к

знаниям, а не к желанию любой ценой продвинуться по карьерной лестнице. Карьеристов он не терпел. Людей, которые своим умом, способностями и трудолюбием пробиваются в жизни – уважал. Из помощника секретаря, Леру пригласили работать в отдел кадров, затем в бухгалтерию, вскоре она стала финансовым менеджером, и со временем, заняла место заместителя директора по финансовым вопросам. В некотором смысле, она была правой рукой Гаврила Николаевича, и окончательное решение по всем важным вопросам, он принимал после общения с ней, в тайне, считая девушку своим талисманом.

Валерия умела слушать собеседника, не прерывая и не перебивая, была прирожденным дипломатом, разговаривала мягко, неторопливо, находила общий язык, даже с самыми упрямыми оппонентами, обладала острым умом и прекрасным чувством юмора, была интеллигентна и очень начитанна.

Пышные волосы цвета меда, высокая грудь, тонкая талия, длинные ноги. Лера была красавицей, и вполне, могла бы сделать успешную карьеру модели, или удачно выйти замуж. Однако, о своей личной жизни никогда не распространялась. Ходили слухи, за спиной шушукались, приписывая Лере многочисленные романы, браки, мужей и любовников, но толком никто ничего не знал. Снежная Королева, называли ее между собой служащие.

– Скажите, Валерия Сергеевна, вы ведь пришли меня успокоить? Утихомирить старого болвана?

– Нет, конечно, Гаврил Николаевич, как вам такое пришло в голову? Я зашла рассказать о снятии ареста со счета, – лукавые чертики прыгали в глазах Валерии.

– Контракт и самого Теодора Алексеевича юристы уже проверяли? Белый и пушистый, что зайчик?

– Да, Лера белый и пушистый, а у меня к нему не лежит душа, чую обман, хотя бумаги в идеале.

В своем кабинете Лера открыла увесистую папку. Что мы имеем? ООО «Караван», генеральный директор – Горчаков Теодор Алексеевич. Контракт был типовым, составлен без ошибок и подводных камней. Бумаги в порядке. Юристы уже поработала, и кроме того, что ООО «Караван» чисто как слеза и является добросовестным налогоплательщиком ничего не нашли. Единственное, что выделяло Теодора Алексеевича и его компанию от массы других, это цена, которую он предлагал, в полтора раза дешевле конкурентов.

– Откуда Теодор ты берешь такую цену? Лера тщательно сверила сметы Каравана и остальных поставщиков. Интересное кино. Материалы у всех одинаковые, а у него цена ниже. Весь вопрос в материалах. Вариантов много, некачественные, подделка под бренд, да попросту, ворованные. Странно, что никто не обратил внимания, на то, что лежит на поверхности! Понятно, юридический отдел, радел за контракты, Василий, за проценты, которые получит от такой сделки, Гаврил, мелочами, как разница цен и анализ смет не интересуется, доверяет лишь своей интуиции. Искать ошибки в чужой работе, всегда приходится Лере.

– Итак, пункт первый нашего расследования – где взял Караван такие дешевые материалы? И пункт второй, тот которому девушка доверяла больше, чем себе, своим знаниям и опыту. Ее тайное оружие, на которое она всегда могла положиться и увидеть ситуацию целиком и полностью, вытащить на свет, все, что кто-то пытается скрыть. Карты. Лера блестяще гадала, и это свое умение, часто использовала в повседневных делах, не афишируя, не выставляя напоказ, прекрасно осознавая, что народ начнет лезть с расспросами, просьбами погадать, непониманием и осуждением. Закрыв дверь в кабинет на ключ, Лера достала колоду.

– Ну, что подруженька, поговорим? Посмотрим на господина Горчакова? Что за человек? Чем живет? Чем дышит?

Разложив карты, Лера осмысливала полученные ответы. Человек он непростой, из военных, ранг высок, серьезный, ответственный, посторонних в свою жизнь не пускает, авантюрист, но не криминал, образован, любит женщин, щедр на поступки и подарки. Выгодный жених –

Лера улыбнулась своим мыслям. Часто бывает, ждешь увидеть одно, а взяла колоду и совсем другой коленкор. Вот и сейчас, думала увидеть мелкого торгаша, а тут военный, с солидным бизнесом.

– Про контракты посмотрим после. Что у тебя Теодорюшка с дамами?

Хм,... дам у тебя воз и маленькая тележка, только любви нет. Бегают за тобой тетки, как угорелые, не понимают, что по натуре ты – охотник, и сам должен добиваться женского внимания, не интересно тебе с ними, скучно.

– Что хочешь от Гаврила?

Из колоды вылетела произвольно карта.

– Посмотрим. Деньги, прибыль, навар. Ну, это естественно, бизнес должен давать прибыль.

Откуда материалы по такой цене, наш самый главный вопрос на сегодня?

Может и правда, просто ему скидку сделал представитель фирмы поставщика. Слишком уж порядочный мужик выходит, если верить картам. Ага, материалы все же оказались липовыми, точнее документы на них. Самое интересное, что, Теодор не подозревает про подделку.

Лера задумалась, карты картами, но вопросы то задает она, и пока, девушка зашла в тупик.

– Зайдем с другой стороны – как ты нас нашел?

Валерия вытянула карту. Рассмеялась. Бубновый король. Ну конечно, как же еще? Ты и не искал сам! Бубновый король – наш пряткий Василий.

Лера припомнила один разговор, примерно год назад. Василий убеждал генерального больше не брать подрядчиков, а выполнять работы самостоятельно. Якобы, он нашел лазейку, где подешевле можно покупать материалы, не хуже брендовых. Все бы ничего, но вот только заказчик работ, строго оговаривал именно этот пункт, какие материалы и у каких производителей должны быть закуплены. Василий клялся и божился, что никто ничего не узнает, документы будут как надо, а – сногшибательной. Разразился скандал, Крокодил, хоть и любил барыши, но с заказчиком ссориться нехотел, Василий настаивал, но так и не сложилось. У него даже были заключены предварительные договора, и у Леры, до сих пор хранились их копии.

– Хорошо, что я редко разбираю архив и ничего не выбрасываю. Ищем розовенькую, папочку.

Все документы Василий передавал Лере в розовом – розовых папках, розовых файлах, розовых уголках. Такая затянувшаяся игра: девочкам здесь не место. Девочкам, место на кухне, в фитнес зале, парикмахерской, но только не в мире серьезных мужчин. Обратное, Лера возвращала бумаги в тех же папочках, но только щедро надушенные. Жена Василия была ревнива до безобразия, об этом знали все, в том числе и Лера. Взяв в руки пропахшую женскими духами папку, и поработав с документами, Василий источал аромат, как маленький завод по производству парфюмерии. Он злился, но ничего с Лерой поделывать не мог.

Василий, имел склочный и завистливый характер, за время своей работы в фирме переругался почти со всеми. Лерин прием народ взял на вооружение. Менеджеры из отдела закупок были более изобретательны, они покупали китайские духи у метро. К вечеру смрад из кабинета начальника отдела снабжения распространялся по всему этажу. Жена закатывала скандалы, Василий бесновался, и в отместку, изводил сотрудников глупыми совещаниями до девяти вечера, ненужными выходами на работу в субботу, или звонками в два часа ночи, с пустыми вопросами, тем самым, нарываясь на гражданскую войну с офисными трудягами, которые день ото дня становились злее, а духи – вонючее.

– Ага, вот и она – та самая таинственная розовая папка. Предварительный контракт с неизвестным ООО «Финист», и к контракту спецификация, в которой, те же материалы, что использует Караван, и те же копеечные цены. Не удивлюсь, если Каравану материалы по дешевке продал Финист, и за всем этим стоит Васька.

– Самый последний вопрос: как пройдут переговоры? Лера всмотрелась в карты, странный ответ. Ты перегрелась подруга? Скандал -понятно. Что он будет, Лера уже поняла, но вот любовь тут причем? Лера убрала колоду обратно. Все прояснится на совещании, а до него еще пол часа.

Чтобы избавиться от волнения Лера решила позвонить Рите. Закадычная подруга. С ней– и в огонь и в воду. Полная противоположность Валерии. Невысокого роста, с пышной грудью, как она говорила – на одну мужик ложится, другой укрывается, и мне уютно и ему тепло, и обе смеялись. Рита всегда улыбалась, чтобы ни было, она верила в свою счастливую звезду и удачу. Поклонников у девушки было множество. Оптимист с активной жизненной позицией – заявила она Лере при встрече, и протянула руку. Они познакомились в институте, две абсолютно разные девочки, которые со временем стали неразлучны. После института жизнь завертела обоих, надо было искать работу, зарабатывать деньги, у Ритки хоровод женихов отбирал все свободное время и силы, но дружить девушки не перестали. Дружба крепла год от года. Встретившись, они не могли наговориться, доверяя друг другу все самое сокровенное. Вот, и сейчас в телефонной трубке Лера слышала не обычный гудок, а наимоднейший рингтон. Рита всегда была в тренде и любила все яркое и запоминающееся.

– Лерка, что случилось? Зачем звонишь в такую рань?

– Рит, половина первого дня! Спишь, что ли? Просыпайся!

– Сплю, конечно. Точнее отсыпаюсь. Молодец, что звякнула, у меня в два маникюр. А мне надо еще принять ванну, выпить чашечку кофе, Рита скопировала голос героя «Брильянтовой руки». Понимаешь Лерок, защebetала подруга в трубку, вчера приехал Юрка, посидели в кафе, прогулялись по городу, он позвал в клуб, ну а я чего, в клуб, так в клуб. Только через магазин, я же в кафе в джинсах пришла. Пока платье купили, пока туфли выбрали, он, видите ли, проголодался, и вместо клуба мы поехали в ресторан. В общем, вернулась я домой в три ночи.

– Рита, мне прям неудобно спрашивать, кто такой этот Юрка? Я запуталась в твоих кавалерах! Последним был Сашка –козел.

– Ну, Леер, Юрка это тот, с которым я на Бали в прошлом году познакомилась, из Краснодара паренек. Вспоминай, я рассказывала. Кареглазый шатен, женат, трое детей. По делам приехал в наши столицы, позвонил, позвал встретиться. Я с Сашкой в хлам разругалась. Думаю, пусть козел мучается, на звонки не отвечаю, сообщений не читаю. Тут этот подвернулся. На кой ляд, мне – незамужней барышне, в самом расцвете сил, одной дома вечерами сидеть? Пошла развеялась. Ой, мать моя!– Ритка, взвизгнула.

– Что стряслось?

– Лера, голос девушки дрожал. Лера, скажи мне, как? Как я выбрала вчера такое уродское платье? Туфли ничего, голос смягчился. Но, платье, платье, это писец какой– то. Прям черный–причёрный писец.

Лера смеялась, прекрасно осознавая, что подруга не разыгрывает ее, для нее сейчас нет страшней трагедии, чем это непонятно зачем купленное платье.

– Лера, ты представляешь, если бы я его одела, и мы пошли в клуб?

– Рит, а в ресторане тебя, что никто не видел?

– Видели, но там одни старые пердуны вчера были, им самое то. Цвет бордо, чуть задницу прикрывает, все в люрексе и пышная оборка сверху. Черный-черный писец!!! Что делать, Лера?

– Верни обратно в магазин. Чек остался?

– Не знаю, может у Юрки. Нет, Лер, я его сожгу, сожгу к чертовой матери.

– Да ладно тебе, оставь, пусть полежит, у тебя семь пятниц на неделе.

– Нет Лер, сожгу. Вдруг я помру. Скоропостижно. От неразделенной любви. Станет родня решать в чем меня хоронить. И Верка, сучка, сеструха троюродная из Рязани, обязательно приедет, платье найдет, и точнехонько в нем меня схоронит.

– Почему в нем -то? У тебя шмотья, как на показе мод.

– Ты слушаешь, меня? Или кому я говорю: Верка-сучка! Она меня ненавидит, нутром почует и напялит на меня весь этот люрекс и бордо. И как мне жить тогда?

– Рит, ты же сама сказала, что умрешь. Тебе будет все равно.

– Что значит –все равно? А эстетика? А гармония? Представь только -лежу я в гробу, глаза закрыты, цвет лица –несвежий, скорбный момент, люди подходят прощаться, рюшь эту долбанную видят и ржать начинают. Мне будет не по себе, я то все вижу, а сказать не могу: Что ржешь сука? Над покойным глумишься?

– Дурочка! Только тебе такое может в голову прийти.

– Я не дура, я предусмотрительная и экономная. Уговорила, жечь не буду, сдам от греха и куплю еще одни туфли. Лерусь, а ты чего звонишь?

– Тоскливо, стало. Я же знаю, кому надо звонить если тоскливо! Кто меня еще так повеселит?

– Обращайся! Тоска прошла?

– Почти. Приедешь ко мне сегодня? Я жутко соскучилась. Мы ведь уже месяца полтора не встречались, все по телефону. Или у тебя планы на вечер?

– Конечно приеду. Ты до шести сегодня?

– Ага.

– Раньше никак не освободишься?

– Хотела бы, да кто меня отпустит? Тут, как всегда– все горит и взрывается. Лера вздохнула. Устала я, Рит, за неделю эту, как собака.

– Знаю подружка! Сколько раз я тебе говорила – увольняйся. Зачем тебе эта работа?

– Кушать я что буду?

– Во-первых, деньги у тебя есть!

–Это не мои, это его деньги. Не заводи меня и не вспоминай.

– Прости, больше не буду. Во-вторых, у тебя дар, понимаешь дар, а ты его разбазариваешь.

– Какой еще у меня дар?

–Ты гадаешь! Как ты гадаешь! Всю правду всегда говоришь. Кто всегда знает, как поступить, как человека успокоить? Наша Лерочка! Наша ворожея и предсказательница! Вот и заработок тебе. Планируй свой день сама, как я.

– Клиентов я где возьму, дорогая ты моя фантазерка?

– Друзья тебе на что? Я из своего салона, такую клиентуру подгоню – закачаешься. Тетки табунами вокруг тебя скакать станут, очередь, как в мавзолей выстроится.

– Давай ты ко мне сегодня приедешь, вина купим, сыра, фруктов разных и мы все обсудим.

– Ой, знаю я тебя, как всегда, съедешь с темы. Ты своего Крокодила добровольно не бросишь. Загнешься там. Но я сегодня приеду, и заметь, тему эту не забуду до вечера.

– Звучит, как угроза. Ритуля мне пора бежать на совещание. Целую, обнимаю. До встречи.

– И я тебя целую, не грусти. Вечером еще и обниму. Пока.

Этот короткий разговор с подругой, придал Лере сил, словно, глоток свежего воздуха. До начала переговоров оставалось пять минут. Нехорошо опаздывать. Валерия подправила макияж, взяла розовенькую папочку и пошла в переговорную.

Часть приглашенных уже собралась, но Крокодил и представитель фирмы Караван отсутствовали. Интересно, Теодор сам соизволит явиться или какого-нибудь зама пришлет?— подумала Лера.

– Вот и наша королева офисная пожаловали! Опаздываете, Валерия. Хотя вы девушка, вам по штату положены опоздания, ухмыльнулся Василий.

– Работы много Василий Сергеевич. Пока за отделом снабжения косяки подчистишь, штрафы отобьешь, уже и звездочки на небе и домой пора,— парировала Лера.

– Какие у снабжения косяки? Василий напрягся, все вопросы отдела снабжения полностью курировал он.

Лера не успела ответить, в переговорной появился Крокодил, вместе с ним в кабинет вошел – высокий, статный брюнет.

– Господа, добрый день. Знакомьтесь, Теодор Алексеевич –генеральный директор ООО « Караван», возможно, нашего нового партнера,— пробасил Гаврил Николаевич.

Мужчины пожали руки, они собирались уже не первый раз и были знакомы. Новой, в этом чисто мужском коллективе, была только Лера. Гаврил Николаевич быстро заметил свою оплошность.

–Теодор Алексеевич, вы, вроде, со всеми знакомы уже, но хочу лично вам представить нашего финансового директора –Валерию Сергеевну.

Лера склонила голову, приветствуя Теодора: Рада знакомству, Теодор Алексеевич.

– Мне тоже очень приятно, Валерия Сергеевна.

Переговоры начались. Собравшиеся, еще раз обсудили контракт, сроки выполнения работ, штрафные санкции обеих сторон. Лера, особенно, не прислушивалась, эти темы ее не волновали, ее выход позже. Она внимательно рассматривала Теодора. Высокий, темноволосый, широкоплечий, поджарый, небольшой шрам на левой щеке, но это его не портило, а наоборот добавляло мужественности и шарма. Ведет себя спокойно, уверенно, говорит отрывисто, прекрасно выражает мысли, внимательно слушает собеседника, прерывая лишь по существу. Мужик, хоть куда. Сюда бы Риту– живым не ушел, сам бы сдал, все явки и пароли. Лера улыбнулась собственным мыслям. Обсуждения пошли на второй круг. Мужчины явно заскучали, им и так было все ясно и понятно, все ждали решения Крокодила, но тот, молчал, углубившись в документы.

– Понимаете, Теодор Алексеевич, нашему заказчику очень важно, чтобы работы шли поэтапно, по графику, и каждый этап заканчивался не позже закрепленной в договоре даты. Вы– солидная фирма, мы это знаем, но и заказ наш не маленький. Сможете обеспечить выполнение? Павел Петрович, заместитель директора по производству, раскраснелся и был близок к инфаркту. У нас, знаете ли, сроки не как у беременных – неделя туда, неделя сюда. Нам родить надо к конкретной дате, не родим, всех выдерут. Мужчины засмеялись. Ой, простите Валерия Сергеевна, не сдержался,— Павел Петрович раскраснелся еще больше.

– Ничего, ничего, продолжайте, я привыкла,— вздохнула Лера.

Павел отдышался и снова завел свою нудную шарманку про важность сроков. Теодор в очередной раз заверил присутствующих, что они не шарашкина контора, никогда еще никого не подводили, и задал встречный вопрос: готовы ли заказчики, расплачиваться в срок?

Взгляды мужчин устремились на Леру.

– Что скажете, Валерия Сергеевна?

– Разумеется, за выполняемые вами работы, в случае подписания контракта, мы расплатимся согласно условиям договора, пятьдесят процентов аванс, пятьдесят процентов после выполнения работ. Лера ответила Теодору, эстафету тут же подхватил Крокодил.

– Теодор Алексеевич, мы неоднократно обсуждали момент оплаты, закрепили все документально. Володя, какой там это пункт договора?

Владимир, главный юрисконсульт фирмы, поправив очки, углубился в договор, хотя уже выучил его наизусть.

– Пункт пять. Черным по белому, про предоплату, оплату и штрафные санкции.

Мужчины затихли, погрузившись в злополучный пункт пять договора.

Настал черед Леры.

– Господа, пока все изучают момент оплаты, я задам свой вопрос.

– Говорите Валерия – Крокодил нахмурился. По виду девушки, он понял, что быть скандалу. За годы работы с ней Гаврил четко знал, когда девочка готова вступить в бой. Сегодня она подозрительно долго молчала, и свое мнение не высказывала. Значит, что-то ей известно такое, о чем не догадываются остальные.

– Теодор Алексеевич, предлагаемая вашей фирмой цена в полтора раза дешевле заявленной вашими ближайшими конкурентами, я бы сказала даже, нашими партнерами, проверенными годами. Почему?

– Ну, знаете, Валерия, это ни в какие рамки! Да! Нам предлагают выполнить этот заказ наши бывшие и нынешние партнеры. Так заказ, извините меня, сладкий какой! На год непрерывной работы. Каждый хочет урвать свой кусок, – в разговор встрял Василий. И партнеры наши оборзели в конец с такими ценами! У Теодора Алексеевича оптимальная цена, подтвержденная сметой, не завышена, как у остальных, практически в ущерб себе.

– Василий Сергеевич, в работу в ущерб себе я не верю, и как финансовый директор интересуюсь – откуда такая цена?

– Валерия Сергеевна, цена образуется исходя из сметы, и если вы ее изучите, то увидите, какие пункты отличаются от пунктов наших конкурентов. Мы применяем более передовые технологии, в отличии, от многих. Наше оборудование дороже и современнее, поэтому, потратив на него средства, мы можем экономить на персонале, и как следствие, играть с ценой в сторону уменьшения. Теодор отвечал Лере нехотя, отмахиваясь от девушки, как от назойливой мухи.

Но Лера уже закусила удила, и не обратила внимания на пренебрежительный тон мужчины.

– Теодор Алексеевич, я не поленилась прочесть и о вашем оборудовании, и о технологиях, которые вы применяете. Как говорится – гугл мне в помощь. Оборудование у вас, мощное, требует минимальное количество рабочих и обслуживающего персонала, технологии передовые, но ваши ближайшие конкуренты – Стройком и Техномакс, применяют аналогичный подход, но не дают нам такой цены. Я изучила сметы. Разница в ценах образуется из-за разницы в цене материалов. По договору определенные материалы, указанные в спецификации вы закупаете сами. Наш заказчик четко указал бренды-производителей на эти материалы и сырье, и хочет видеть исключительно их. Разница в сметах, только на эти брендовые поставки. У вас они почти в полтора раза дешевле, отсюда и общая дешевизна контракта. Поэтому уж не примите за оскорбление мой вопрос. Эти материалы подлинные?

Теодор был ошарашен, он ожидал чего угодно, но только не такого поворота событий. По его виду было понятно, что он не знает, что ответить.

– Разумеется, подлинные, Валерия Сергеевна. На них есть все документы, с подписями, печатями: договора, сертификаты соответствия, таможенные декларации.

– Вы можете предоставить нам копии этих документов?

– Вам бы следователем быть! Теодор развел руками. Жалею, искренне жалею, что вы не присутствовали на наших предыдущих заседаниях, и что я сегодня не подстраховался, и не пригласил на это совещание своего бухгалтера и начальника отдела закупок. Тем не менее, хочу вас заверить, что в черные игры не играю, у нас все проходит официально.

– Замечательно, Теодор Алексеевич. Тогда, я думаю, мы можем ознакомиться с копиями документов, чтобы все были спокойны, что материал оригинален?

– Договоримся так: с вами созвонится мой бухгалтер, и вы с ним все обсудите. Я распоряжусь выслать вам все необходимые копии. Еще, какие-то вопросы ко мне?

– Один небольшой. Лера улыбалась. Василий сидел белый как мел. Скажите, Теодор Алексеевич, поставщик ваших материалов, случайно, не фирма Финист?

– Честно говоря, не припомню, Теодор, не скрывал своего раздражения. Это имеет значение?

– Нет, просто женское любопытство.

Напряженную атмосферу разрядила Светлана.

– Прошу меня извинить господу, но Валерию Сергеевну срочно к телефону. Заместитель начальника налоговой инспекции уже трижды звонил, требует достать ее хоть из под земли.

– Ну, раз заместитель начальника, тогда отпустим нашего финансового директора, – про-изнес важно Крокодил. Пока мы не увидели копии документов, и договор не имеет смысла подписывать. Воля заказчика, нерушима, а нам лишние проблемы и волнения ни к чему. Идите, Валерия Сергеевна, налоговые органы стоит уважить.

Лера поднялась и прошла к выходу. Теодор удивленно смотрел девушке вслед. Все совещание Валерия сидела на самом неприметном месте в кабинете, скрытая от его взгляда массивной фигурой Павла Петровича. И только когда девушка прошла мимо него, он разглядел – красивое лицо и точеную фигуру. Интересно, с кем из них спит? Слишком молода, чтобы такую должность занять, самостоятельно. С Гаврилом что ли? С Васькой не может, вон как ей вслед смотрит, так бы и убил. Может, ревнует? С остальными вряд ли, мелковаты для нее. Точно с Гаврилом, со старым козлом.

– Итак, господу на сегодня закончим, ждем документы и если все окей, подписываем этот договор. Сколько можно уже собираться и решать? Пора дело делать, пока заказчик нас всех не послал куда подальше. Гаврил Николаевич поднялся, давая понять, что разговор окончен.

Лера вошла в свой кабинет, сняла телефонную трубку: Светочка соединяй с налоговой.

– Ага, соединяю, четвертый раз звонит, я испугалась.

– Все правильно, Света. Переговоры почти закончились.

– Соединяю.

– Слушаю, вас. Алло.

– Лерусик, дримпампусик привет!

– Николаша, ты?

– А у тебя есть еще один заместитель начальника целой налоговой инспекции? Думай, прежде чем отвечать, я парень обидчивый.

– К сожалению, Николаша, ты не единственный. Пора бы тебе вырасти до целого начальника целой налоговой. Ты хоть представляйся в следующий раз. Меня с совещания выдернули. Я испугалась, мало ли что?

– Зачем ты пугалась? Или вам есть, что скрывать от контролирующих органов?

– Николай, давай без подколов. Зачем звонишь? Что ты хочешь от бедного офисного клерка?

– Справится о твоём здравии.

– Скорее о здравии моей подруги.

Николай на минуту замолчал.

– Да, Лера, опустить с небес на землю ты умеешь.

Коля, был институтским приятелем Леры и Риты, и с последней встречался почти год. Был страстно влюблен, хотел жениться, но мечтам не суждено было сбыться, они разбились о чуткое сердце его матери – урожденной Шац Жанны Игоревны. Жанна Игоревна с первого взгляда невзлюбила будущую невестку, и каждый день в их семье разыгрывалась одна и та же драма, под названием: Мама, я женюсь! Нет сына, только через мой труп! Она хабалка и стерва, бросит тебя ради первого встречного, слушай мое материнское сердце. И хрупкое, материн-

ское сердце пробило пылкость любви Николая, женив его на урожденной Шнеерсон Марте Абрамовне, оставив Риту ни с чем. На свадьбе Николай напился с горя первый раз в жизни, поэтому брачная ночь прошла им незамеченной. Ровно через девять месяцев Марта Абрамовна, теперь уже Шац, подарила ему чудных близнецов. Рита, поплакав на плече у подруги пару дней, быстро пришла в себя, и не вспоминала слабака Николая, но Лера знала, что Николай был первой серьезной любовью девушки, и первым и единственным шрамом на ее сердце. С тех пор, подруга держала мужчин на расстоянии, предпочитая женатых. Говорила, что семья не для нее, и ее мужем может стать только сирота, слепо-глухонемой капитан дальнего плавания, чтобы она всегда имела перспективы в личной жизни. Николаша, не сдавался, после рождения детей, ходил за Ритой по пятам, умоляя его простить. Рита гнала несостоявшегося жениха прочь, но он возвращался снова и снова. Осознав, что Ритку не вернуть, Николай, всю свою пылкость направил на карьеру и финансовые достижения. Стал продвигаться по службе, дослужившись к тридцати пяти годам до заместителя начальника налоговой инспекции. Лере звонил периодически, вроде бы по делу, но всякий раз, хотел, хоть что-то услышать о Рите. Лера не чуралась звонков, такое знакомство ей было полезно в работе, Николай всегда давал дельные советы, да и Николашу, она по-своему любила, хоть и осуждала, за то, что он так некрасиво поступил с подругой.

Рите всегда было приятно, когда Валерия ей рассказывала, что опять звонил Николай и жаловался на свою неразделенную любовь. Лера чувствовала, что рубец на сердечке подруги все еще ныл. Эта история для нее осталась незаконченной, и последнее слово в ней сказала – мать Николая. Для Риты, такое положение вещей было из ряда вон, так как, все свои романы она завершала сама. А тут даже не мужик ее бросил – а, мать жениха отшила. Страшное хамство, непростительная ошибка Жанны Игоревны и Марты Абрамовны. Поэтому каждый раз, слушая рассказ, про Николашу и его общее семейное несчастье, говорила: Ах, Лерусь, хватит! Мне его страдания не интересны. И тут же переспрашивала: А голос у него был грустный? Расстроенный?

– Алло, Николай, что молчишь? Обиделся на меня? Ты, ведь, не мне каждый раз звонишь, а через меня, с Риткой разговариваешь.

– Проницательная ты женщина, таких мужики не любят, в старых девах останешься. К Николаю вернулся его шуточный тон.

– Я и есть – старая дева. Старая и страшная.

– Ладно, старая и страшная, раз ты меня расколола, расскажи, как там Рита?

– Коля, ты бы сам к ней съездил и спросил.

– Ага, к ней съездишь! Рита сама кому хочешь съездит. Она с кем-то сейчас встречается?

– Рита всегда с кем-то встречается. Ты ее знаешь.

– Что за мужик? На этот раз серьезно у нее? Замуж не собралась? Может беременна?

Леру так и подмывало сказать, что собралась и беременна, но Николая было жаль, как никак, друг детства.

– Вот, что дорогой мой, мне ваши брачные игры осточертели. Объясняйся с ней сам, только запомни: обидишь Ритка еще раз, лишишься достоинства!

– Какого достоинства?

– Мужского Коля, мужского.

– Ты стала хабалкой Лерусь, а была такой интеллигентной девочкой.

– Все течет, все изменяется.

– Считаешь, что мне стоит к ней поехать? Цветы куплю, духи куплю, торт куплю. Или торт не надо? Коля был прижимист. Даже операция – Завоюй сердце Риты, наткнулась на природную скупость. Да, торт наверное не надо. Куплю цветы.

– Правильно Коля торт не надо, жалко кондитерку.

– На голову оденет?

– Кто ее знает? Ты купи, как в прошлый раз – три красные гвоздики, а еще лучше, купи искусственные, и практично, и горят хорошо. Эх, Коля, Коля. Рано тебе к Ритуле ехать, больно жаден.

– Лер, ну, что ты такое говоришь? Мне для Риты ничего не жалко.

– Твоя щедрость бросается в глаза!

– Я закажу шикарный букет и ресторан.

– Хотелось бы верить.

– Умеешь ты меня разозлить.

– Коля, тебе мама не говорила в детстве, что мужчина должен быть злым и голодным, тогда у него глаз горит, и тетки такого мужика не пропускают.

– Значит, Лерусь, я буду почаще звонить тебе и сяду на диету, тогда я буду вечно злым и голодным. Может, Риток меня обратно полюбит?

– Попробуй, Николаша, попробуй, заодно, про ресторан с букетом не забудь. И раз я так тебе помогла, выручи и ты меня.

– Хитрая ты Лерка! Позвонил тебе я, поплакаться хотел, ты вместо сочувствия издеваешься, а я еще и помогай?

– Коленька, не будь букой, жизнь, вообще, штука несправедливая, выручай, по старой памяти!

– А ты расскажешь Ритку, что я звонил и очень раскаивался?

– Расскажу.

– А уговоришь ее со мной в ресторан пойти?

– Не наглей, не так уж мне и твоя помощь нужна.

– Хоть словечко замолвишь, о том, что старая любовь не угасает?

– Николай, мы с вами не пришли к компромиссу, всего доброго, до свиданья.

– Хорошо Лера, что тебе надо? Смогу – сделаю.

– Пробей для меня фирму Финист по своей базе. Меня интересуют импортные сделки за последние три года. Закупают ли импортный товар.

– Я думал, что – то серьезное. Подожди, сейчас гляну и скажу.

Ожидая ответ, Лера вырисовывала на бумаге домик с забором, цветы и лужайку.

– Ты солнышко уже нарисовала?

– Что?

Николай смеялся в трубку. Ты всегда когда ждешь – рисуешь. До солнышка дошла?

– Нет, пока только домик с заборчиком, и лужайку.

– Плохо. Значит, слушай сюда. Ничего за границей нашей Родины твой Финист никогда не закупал и не поставлял. Внешнеэкономической деятельности не ведет.

– Николай, огромное вам мерси. Так и быть, поговорю с Ритулей, о том, какой вы душевный человек, хоть и работник налоговой службы, и сам по себе жмот. Передавайте привет жене и детям. Чао-какао.

– И тебе не хворать –синий чулок.

Лера положила трубку. Итак, дорогая мисс Марпл, вас можно поздравить, следствие установило, точнее, убедилось, что Финист, импортного сырья не закупает, Василий же утверждал, что они берут хоть и подделку, но иностранного производства. Считаю, тот же бренд, но дешевле. Закупка, если она идет через Финист, однозначно, отечественного низкосортного барахла, по поддельным документам. Сплошной обман. Хотя, вполне может быть, что совсем и не Финист поставляет Теодору эти материалы. Надо ждать копии документов

Пока выдалась свободная минутка, можно и перекусить, решила Лера. Обедала она в кафе, в паре кварталов от офиса.

В кафе царил полумрак, пахло выпечкой и кофе. Ее любимый столик у окна был свободен. Лера расположилась в кресле, задумчиво рассматривая прохожих.

– Добрый день. Вы поздно вато сегодня. Улыбчивый официант приветствовал Леру, подавая меню. Девушка бывала здесь почти каждый день, поэтому весь персонал ее знал и любил. Милая, спокойная барышня, которая частенько оставляла хорошие чаевые.

– Что кушать будете?

– Егор, а что сегодня вкусненькое?

– У нас все вкусненькое.

– Действительно, у вас, что не блюдо, то деликатес. Возьму салат, пусть будет морской, яблочный штрудель и кофе. Кофе – двойной эспрессо.

– Сейчас, все сделаем. Вы же, как всегда спешите?

Лера кивнула в ответ, официант убежал исполнять заказ.

– Что Валерия Сергеевна пришли отметить победу? Рановато, рановато. Еще не все сказано. К столику вальяжно подошел Василий. Лера вздрогнула от неожиданности.

– Василий Сергеевич, вы за мной следите? С таким скорбным лицом противопозаказано по заведениям общепита ходить.

– Это еще почему?

– Борщ – прокисает. Дайте, покушать спокойно, так сказать, без вашего участия и присутствия.

– А чем это наше присутствие вам не угодило? Василий затевал ссору.

– Несварением – оно мне не угодило, и отвернуться от тарелки лишний раз нельзя.

– С чего это?

– Еще чего доброго отравите, и всех будете уверять, что то не мышьяк был, а витамины.

И документики найдутся, с подписями и печатями, что да, все честь по чести – витамины.

– Ох, и язва ты Лерка, ох и язва.

– На ты, мы с вами еще не переходили, и Лерка я – для близких и друзей.

– Так, давай перейдем, и сразу станем поближе, подружимся. Что скажешь, на мое предложение, Валерочка Красивая ты баба, умная. Мы могли с тобой очень, очень близко дружить. Василий взял Леру за руку и нежно поцеловал кончики пальцев.

Лера замерла. Ай, да Васька!

– Василий Сергеевич вы мне на интим намекаете?

– На него дружочек, не стану отрицать. Соглашайся, не пожалеешь, я мужчина сильный, щедрый, со мной не пропадешь.

И страшный, и тупой, чуть не лягнула Лера.

– С чего вдруг такое проявление страсти?

– Обижаешь Лера, я всегда на тебя засматривался.

– Ой, ли? Не думаю, что я вас привлекаю. Есть у вас мечта, Василий Сергеевич, чтобы я не совала свой любознательный нос в ваши дела. Вот и вся любовь. Хочу вам, заметить-я бы свой нос в ваши мутные делишки не совала, от слова совсем, если бы они не пересекались с моей работой и финансами организации. Так, что настоятельно рекомендую Вася идти куда подальше.

– Не ожидал Лера, что ты такая глупенькая, с виду посообразительней будешь. Не руби с плеча, дорогуша.

– Вы мне угрожаете, Василий Сергеевич?

– Ни боже мой, по-дружески, можно сказать, любовно – предупредил. Я не каждой предлагаю свое покровительство.

– А я не каждому отказываю.

Скрипя зубами, Василий поднялся и вылетел из кафе.

Лере принесли ее заказ.

– У вас все в порядке? Мы с парнями уже хотели вмешаться.

– Все, нормально Егор, благодарю.

– Вы если, что– зовите!

Лера улыбнулась парню: Обязательно.

Аппетит пропал, девушка, водила вилок по тарелке, прикрыв глаза, стараясь не заплакать.

– Надо же, гад какой. Вывел из себя. Одно радует, что с годами я научилась ставить людей на место. Лера взяла себя в руки, и вымученно, улыбнулась сквозь слезы. Кто он такой? То же мне – покровитель. И не таких видали! Видно рыло в пуху, раз засуетился.

Лера отставила салат, отхлебнула кофе. Кофе был великолепен, девушка, наслаждаясь вкусом, постаралась расслабиться. Она была так погружена в себя и свои мысли, что не заметила в глубине кафе посетителей, которые внимательно ее рассматривали. Два представительных мужчины, развалившись на мягких диванах тихонько беседовали.

– Теодор, хватит на нее пялиться, сейчас дырку протрешь. Красивая конечно, но ты или со мной разговаривай, или пойдешь, познакомься.

– Мы знакомы с ней Сема, печальным, можно сказать, образом.

– О па. Бывшая твоя, что ли?

– Нет, не бывшая.

– Раз не бывшая, и видно, что пока не настоящая, тогда, что? Будущая? Мужчина сам рассмеялся своей шутке. Лучше рассказывай, в чем дело, зачем звал. Время сегодня, в обрез, не до прекрасных глаз и длинных ног.

– Ты прав Сема. На чем я остановился?

– На их фин директоре, Лере-Валере.

– Она перед тобой.

– Где?

– Та, девушка, на которую я по твоим словам, пялюсь.

– Это, финансовый директор? Разыгрываешь? Таких финансовых директоров не бывает в природе. Профурсетка.

– Заткнись Семен. Рука Теодора сжалась в кулак.

– Ты что, Теодор? Запал на нее, что ли? Ну, брат, я не хотел никого обидеть. Просто, она, никак, на финансового директора не тянет. На модельку больше похожа. Слишком молодая и красивая.

– То– то и оно! Еще и умная. Отчитала меня – будь здоров, к материалам прицепилась. Сейчас вся наша бухгалтерия на ушах стоит по ее милости, документы готовят. И ты знаешь, есть резон в ее словах. Теодор, вкратце, описал другу суть переговоров. Понимаешь, я же не могу тотально контролировать все дела и сделки. Поручил все закупки Ивану, он, паренек смысленный, амбициозный, напористый, ты и сам помнишь, решение вместе принимали о его назначении. Вы, как безопасники, его проверяли, контракты все у нас строгий контроль проходят, но, то, что Валерия выпрашивала, мне не понравилось. Потолковать бы с ней с глазу на глаз. Понять к чему эти вопросы.

– Давай, подойдем и спросим.

– Нельзя, еще испугаем девчонку. Можем контракт упустить.

– Со своим разводом Теодор, и бабами, ты от дел зря отошел. Я тебе давно говорил, уймись.

– Говорил Семен, что теперь ворошить. Сам знаешь, седина в голову, бес в ребро. Ничего. Фирма, слава Богу, наплаву. Нам бы, этот заказ получить, тогда, вообще, дела в гору пойдут. Убытки перекроем вмиг. Я тебя вот о чем прошу Сема, те документы, что она запросила, проверьте сначала вы с ребятами. Посмотри, у кого мы закупку ведем, пробей их по своим каналам.

– Теодор мы проверяем всех до подписания, ты же знаешь.

– Знаю Сема, но посмотри еще раз, может, что упустили. Если косяк есть, нам надо до того, как она его найдет, найти самим, исправить сметы и идти к Гавриле на поклон. После развода, я гол, как сокол, а Людка еще и дивиденды хочет, плюс дети за границей учатся, старшая скоро замуж соберется, да и сотрудикам, я что скажу? Ищи Сема, ищи.

– Понял тебя, постараемся. А девчоночка эта, тебя зацепила? Признавайся. Ничему жизнь не учит. Когда тот тип ее за руку схватил, у тебя глаза кровью налились, желваки заходили.

– Сам не пойму, что со мной. Хороша, как с картинки. И что? Полно у меня таких.

– Таких, да не таких. Эта особенная. Ее рестораном и браслетиком с цепочкой не возьмешь.

– Не собираюсь я никого брать. Хватит, погулял и будет. Бизнес только бизнес. Мужчины засмеялись.

– Кстати говоря, что это за мужик к ней подходил?

– Это их зам по общим вопросам, зовут Василий Сергеевич – друг Ивана, с него все и началось. Иван притащил его ко мне, Василий хочет определенный процент, если сделка будет заключена. Распространенная практика. Все работают на откатах, и Василий не исключение. Похоже, с Валерией он в контрах, вылетел пулей. Интересно, о чем они говорили?

– О чем мужик с бабой говорит, когда, как кот на масло смотрит и руки облизывает?

– Считаешь, они любовники? Теодор болезненно поморщился. Девочка, и впрямь, слишком молода, чтобы такую должность занимать. Чья – то протеже. Только чья? Возможно, этого Василия, а может, Гаврил с ней спит?

– Может и спит. Такие, как она, одинокими не бывают, с виду нежная и удивительная, а на деле, карьеристка и стерва.

– Давай закругляться Сема и в офис.

– Как скажешь Теодор, в офис, так в офис. Отдай распоряжение главбуху, чтобы все копии сначала принесли к нам – в безопасность. Сегодня пятница, мы с пацанами в выходные поработаем, где искать я понял, проверим наших поставщиков и Василия с Иваном до седьмого колена.

– За что я тебя люблю Сема, так это за трудолюбие и природную сообразительность. Мужикам, скажи, что потом или отгулы возьмут, или в двойном размере оплатим, а уж если нароее что, премия будет.

Глава 2

Без четверти пять Леру к себе вызвал Крокодил.

– Валерия, что с Караваном?

– Пока ничего, документы они мне не прислали, и я думаю, до понедельника не пришлют.

– Почему, Лерочка? Может им еще раз позвонить, в их же интересах?

– Конечно в их, Гаврил Николаевич. Только если они умные ребята, а они такие и есть, они сами все перепроверят.

– Лера, давайте начистоту, в чем вы их подозреваете?

– В чем подозреваю? Ни в чем. Пока документы не увижу, все голословно.

– Не умеете вы врать Валерия! Отвечайте директору, как на духу, не увиливайте. Гаврил Николаевич усмехнулся.

– Я предполагаю, что материалы подделка, а документы – липа, и совсем это не импорт, а отечественный товар, возможно, не ахти какого качества. Это, всего лишь, мои домыслы. Теодор мне показался честным и порядочным человеком, и был сам удивлен, когда вопрос закрутился вокруг этих материалов несчастных.

– И мне он понравился – серьезный мужик!

– Говорили до этого –мутный тип. Как так? Быстро вы, Гаврил Николаевич мнение меняете.

– Это я не о нем говорил. Не так выразился. Я его сегодня первый раз в жизни увидел. До этого, мы общались с его замом– Иваном, он как раз и мутный. Дрыщ одним словом, не люблю таких.

– Понятно.

– Лера, а как вы докопались до этих материалов, как заметили?

– Все просто, Гаврил Николаевич. Я сравнила сметы, Каравана и ближайших конкурентов. Цена ведь не с потолка падает.

– Молодчина, вы Лера. Умеете работать. Что будем делать? Может ну их, этот Караван? Откажемся от сделки? Подрядчиков валом кругом.

– Предлагаю, подождать. Караван фирма надежная, цена у них интересная, мы столько сил и времени на них потратили, что один –два дня роли не сыграют. Не будем торопиться, и пороть горячку. Увидим документы, все проверим, тогда и решим, как быть.

– Хорошо, Лерочка, ваша взяла, подождем. На сегодня – все. Отпускаю вас домой, на свободу, так сказать. Ваше дело молодое– отдыхать и гулять с кавалерами.

Лера улыбнулась, попрощалась и вышла из кабинета шефа. Гаврил Николаевич смотрел ей вслед, ну надо же, и в этот раз отмолчалась про кавалеров. Острая на язык, всегда замолкала, когда речь заходила о мужчинах. Неужели кто-то тебя обидел, девочка? Гаврил вздохнул. Лера очень напоминала ему дочь, не внешностью – характером. Его жена и дочь погибли в автомобильной аварии за пару лет до того, как Лера пришла к нему работать. С годами рана на сердце мужчины затянулась, жениться второй раз он не собирался, и казалось, нашел успокоение в работе, но вот в такие хмурые, холодные дни, чувствовал себя особенно одиноким. Все чаще он ловил себя на мысли, что по поводу и без – вызывает к себе в кабинет Леру, просто так, поговорить. Он любил поболтать с ней обо всем на свете, за глаза называл девочкой или дочкой, испытывая к ней отеческую нежность. И сам себе боялся признаться, что с ужасом ждет момента, когда она войдет и скажет: Все, Гаврил Николаевич, выхожу замуж, работать у вас больше не буду. Годы шли, Лера замуж не собиралась, ее личная жизнь оставалась тайной для всех. Хотя, по офису и ходили разнообразные слухи, Гаврил в них не верил и жестко пресекал.

Лера была красива, офисные парни не раз пытались за ней приударить, но она всех мягко ставила на место, умудряясь не нажать в лице неслучившихся ухажеров врагов, а наоборот, еще больше расположить к себе. Клуб разбитых Лерой сердец, как то пошутил системный администратор в курилке, когда очередной неудачник, рассказывал, что его букет, любовно выбранный в дорогом цветочном бутике специально для нее, украшает приемную директора.

– Вот как так мужики? Стою я, как дурак, как пацан, как школьник, с этим букетом проклятым, что-то блею невразумительное, а она улыбается, благодарит и мягонько так меня к выходу, к выходу теснит. Я за обед даже не заикнулся.

– Эх, Леха, думаешь ты один тут такой умный? И цветы дарили, и кофеем угощали, только мы для нее просто коллеги. Наслаждайся ее обществом на расстоянии. Кадры говорят: она замужем была, в паспорте штамп и штамп о разводе.

– Такие, как она на офисных мышей не смотрят, им мажоров подавай –подал голос менеджер из логистики.

– Знаешь, Женек, ты про Лерку, так не говори, а то можно и схлопотать. Чью задницу она в прошлом месяце прикрыла, когда ты документы с договором потерял? Не твою ли? К ней, если по– человечески, и объяснит, и разжует, и выручит. Завидуй Жень – молча. Леха, хоть на цветы ей раскошелится, а ты, только на корпоратах ее глазами пожираешь, – кипятился один из парней.

Подобные разговоры частенько возникали в коридорах офиса, разбивая миф о том, что сплетничает, исключительно, женская часть населения планеты.

- На улице дождь перешел в снег: Ну и погодка сегодня. Гаврил включил интерком.
- Светочка, вызовите мне машину, и сами можете идти домой. Хороших выходных.
 - Спасибо, Гаврил Николаевич.
 - До понедельника Света.
 - До понедельника.

Лера быстрым шагом шла к машине, надо бежать, пока шеф не передумал и снег не перешел в метель.

- Алло, Ритуль, я уже освободилась, выезжаю домой, так, что ты тоже не задерживайся.
- Ага, Лер, ждала твоего звонка. Я же тебе говорила, что сегодня надо пораньше уйти, вот мироздание меня и услышало.

– Услышало. Услышало. Не рассуждай, выдвигайся ко мне, погода портится, машину не бери, вызови такси. Приедешь, мы с тобой пешочком прогуляемся до маркета вина купим, фрукты и сыр. Ритуль, гололед на улице не вздумай каблы свои двадцатисантиметровые натянуть, я тебя не удержу.

– Занудина. Каблы я уже натянула, и домой не поеду переобуваться. Все, подруга жди. До встречи.

Пока машина прогрелась, Лера прикрыла глаза, стараясь расслабиться. Все, на сегодня, последний рывок, последний бросок. Завтра буду спать, спать, пока не выплюсь. Девушка осторожно выехала с офисной парковки, включила поворотник, свернула на городскую магистраль. Дорога прошла легко, Лера оставила машину на стоянке и заспешила к дому. У подъезда, постукивая ногой о ногу, любезничала с каким-то парнем Ритуля.

– Добрый вечер, – поздоровалась Лера, на всякий случай, держа нейтралитет. Может Рита с ухажером приехала, а может уже кого-то подцепила.

– Константин, вот и моя подруга, которую я жду. Представляешь Лера, Константин утверждает, что я ангел, и никак не могу иметь друзей, особенно ждать их у подъезда.

Лера, выдохнула. Понятно. Маргарита в своем репертуаре.

– Так, ангел, давай маши Константину крыльями – до свиданья. У тебя сегодня еще столько дел, столько дел.

Константин повернулся к Лере.

– Мне невероятно везет. Сначала один ангел, потом второй. Девчонки, может ко мне? У меня и друг есть.

– Эх, Костя, Костя, с виду, вы казались приличным молодым человеком, – Рита закатила глаза, взяла Леру под ручку и девушки, не обращая внимания на протесты парня двинулись в сторону местного магазина.

– Рит, где ты их вечно находишь?

– Для начала, привет подруга поближе. Ты же знаешь, я никого не нахожу, мужики, как и приключения находят меня сами.

– Точно подмечено! Не врешь. Приключения на свою пятую точку ты искать умеешь.

– Не я их, а они меня, а это две существенные разницы! В этот момент, Рита, на своих высоченных каблуках поскользнулась, и девушки, стараясь удержать равновесие, размахивая руками, забалансировали на льду, отчаянно повизгивая и смеясь. Удержаться на ногах им не удалось, и они рухнули в сугроб.

– Ритка я тебя убью! Зараза! Я же тебе говорила, одень нормальную обувь, куда ты выперлась, в такую погоду на шпильках?

– Не надо меня убивать, Лерочка. Я и сама убьюсь. Больно блин, синяки будут. Рита потирала ушибленные коленки. Ох, чему я ни сокол, чему не летаю? – жалостливо запела Рита.

Лера сидя в сугробе, с удивлением смотрела на подругу, и тут вся комичность ситуации и тяжесть дня обрушились на девушку. Она расхохоталась.

– Чего ты ржешь? Тихо, Лерка, на нас прохожие оборачиваются.

– Посмотри на кого мы похожи, – у Леры от смеха по лицу текли слезы. У тебя шапка набекрень, помада по лицу размазалась, джинсы на колене порваны, у меня пальто и сумка в грязи от чулок жалкие воспоминания, и сейчас мы, как две старые алкоголички будем выбирать вино! Рита нам могут не продать.

Рита глянула на подругу, и тоже стала смеяться.

– Почему сразу старые?

– Хорошо не старые – просто алкоголички, да?

Рита показала Валерии язык.

– Не хочу тебя расстраивать Лера, но твой мейк ап тоже далек от совершенства, тушь течет, волосы, как воронье гнездо.

Девушки поднимались, помогая друг другу, но от смеха ноги разъезжались сами собой, и они никак не могли вылезти из сугроба.

– Как не стыдно, взрослые женщины! Идите отсюда, пьянь, сейчас полицию вызову! Дворничиха из соседнего дома, неодобрительно смотрела на барахтающихся в снегу девушек.

– Так, Ритуля, давай, давай, пока, и правда нас в полицию не сдали. Ой, прибыю я тебя за это грехопадение. Ангел, мать ее. От черта ты остаток, а не ангел.

С трудом девушки поднялись и тихонечко, чтобы еще раз не упасть, поддерживая друг друга и похихикивая побрели вдоль по улице.

– Алкашки, поганые, наркоманки, сплюнула вслед дворничиха.

Выйдя к освещенному магазину, в центре микрорайона, подруги оглядели себя. Вид они имели более чем плачевный. Растекшийся от снега и смеха макияж, спутанные волосы, дорогое кашемировое пальто Леры было похоже на мокрый половик, Рита порвала джинсы, прихрамывала и все время потирала, то ушибленное колено, то руку.

– Зря я машину на стоянку поставила, лучше бы съездили.

– Это ты сейчас вовремя вспомнила, съехидничала Маргарита. Может повезет, и знакомых встретим. Хоть бы подвез обратно кто.

– Типун тебе на все места. Только бы не встретить в таком виде никого.

Девушки зашли в маркет, и без всякого стеснения, отправились напрямик к полкам с вином.

– Валерия Сергеевна – вы?

Лера замерла, и стала медленно поворачиваться к вопрошающему, надеясь, что это ни какой-нибудь сосед или, что еще хуже – знакомый с работы.

– Илья, добрый вечер. Валерия натянула свою самую обворожительную улыбку. Какими судьбами в нашем районе? Вы, кажется, живете где– то в центре?

– Я к другу приехал. Вы почему в таком виде?– Илья усмехнулся, глядя на ее растекшуюся тушь и бутылку в руке.

– Решила пешком прогуляться, а на улице гололед.

– Бывает. С кем не случается? Илья улыбнулся еще шире.

В этот момент к Илье подошла продавщица.

– Парень, хорошо, что еще не ушел. Весь склад перерыли – нашли что спрашивал. Последние две упаковки, и размер твой, с абрикосом и клубникой. Тебе какие? Или обе заберишь? Илья покраснел как рак.

– Женщина, вы меня с кем то путаете?

– На возраст мне намекаешь, что ли? Я еще при памяти. Ты меня сам на склад погнал, размер нужный искать. Теперь, значит с кем то – путаю? Какие говорю, возьмешь? Или уже не надо?

– Илюшенька, вмешалась Рита, берите обе, тем более, размер подходящий. Презервативы они в хозяйстве вещь незаменимая, если скучно станет можно воду наливать и на прохожих

сбрасывать, все развлечение. Тем более две последние упаковки, а вдруг больше нигде не будет. Все же, пятница, вечер, два выходных впереди, мало ли, что.

– Я не поняла, молодые люди, берете или нет?

– Берем, женщина, берем! Рита взяла обе коробки из рук продавщицы и всунула впавшему в ступор и потерявшему дар речи Илье.

Лера закусила губы, сдерживая смех. Ну и денек! Илья стоял, как пораженное молнией дерево, потупив взор.

– Илюшенька, а вы голубчик, на машинке? Илья, поднял глаза на Риту, с трудом осмысливал суть вопроса.

– Что, простите?

– Вы, на машине, Илюшенька? Повторила вопрос девушка.

– Да, кажется. Да, да на машине, – мелко закивал головой Илья.

– Вот и славно, значит, нас подвезете. Здесь совсем недалеко. Давайте так договоримся, вы же за хлебом, наверное, в маркет пожаловали? Илья снова кивнул. Вот и хорошо, продолжала Рита, вы пока хлеб выбирайте, а нам еще сыр и фрукты надо купить. Встретимся на кассе, мы мигом, соскучиться не успеете. Парень понурив голову, отправился в сторону хлебо – булочных изделий, и стал сосредоточено рассматривать ассортимент выпечки на стеллажах.

– Лерусь, ты как считаешь, размер имеет значение? Илья обернулся и снова покрылся багровыми пятнами. Рита лучезарно ему улыбнулась и подмигнула. Вот, блин услышал.

– Рита я тебе говорила, сегодня, что я тебя убью.

– Говорила.

– Обычно я обещаю, а сегодня исполню. Я тебя, убью!!!

– Давай, убийца, быстро купим фрукты и сыр, а то кавалер наш смоеется и придется пехом пилить. Мне между прочим уже холодно, и джинсы насквозь мокрые. Я пешком не пойду. Мужик этот, он кто? С твоей работы?

– Слава Богу, нет. Клерк из банка, должность не помню, какая – то седьмая вода на киселе, но всегда строит из себя такого важного и незаменимого. Раздражает.

– Конечно раздражает, еще и размерчик, прямо скажем – не ахти.

– Рита! Цыкнула на подругу Лера.

Наскоро, выбрав продукты, девушки направились к кассе, перед ними в очереди стоял Илья.

– Ты, смотри – хлеб покупает. Ой, мамочки. Ну, что за дурак? Хлеб и презервативы, уже бы шампанское брал. Хотя, кто его знает, какие у него привычки? Может батон взял горе заесть. Неизвестно, как вечерок повернет, обломится ему чего или нет? Или горе запивают? Лер, ты не помнишь, что заедают? А что запивают?

– Стрессы, Риток, заедают, хотя и запивать тоже можно.

– А, я что говорю! Брал бы уже и шампанское. И заел бы, и запил сразу. Слушай, так, он же сказал, что к другу приехал? Он, что из этих самых? – Рита подкатила глаза. Куда мы катимся, Лера, куда?

– Ритка, молчи!

– Мужчина, что у вас? Илья выложил свои покупки из корзины. Кассир стала пробивать товары.

– Вот блин, штрих код сканер не читает. Так, и в компьютере их нет. Мужчина, а вам очень надо, а то не бьется товар?

– Конечно надо, – ответила за Илью Рита. Или вы думаете парень за хлебом пятничным вечером забежал? Пробивайте, как хотите.

Кассир злобно зыркнула на Риту и заорала на весь магазин: Зоя, Зоя иди сюда, у нас презервативы не бьются. Илья был близок к обмороку, Рита довольно улыбалась, Лера сторала

от стыда. Остальные посетители не обращали никакого внимания на эту странную тройцу. Сканер зажужжал, пробивая злосчастную покупку.

– Платить как будете? Наличными? Карта?

– Карта.

– Вставляйте тогда! Ой, и кассир захихикала. В смысле карту, мужчина. Совсем, вы мне голову задумали. Пин код? Пин код - неверный. Илья попробовал еще раз. Пин код – неверный.

– Илья, вы не волнуйтесь, сосредоточьтесь, – елейным голоском из– за плеча гнула свою линию Рита. Дело, то житейское.

– На карте недостаточно средств. Продавщицу перекосило, она с трудом сдерживала смех.

– Эк, тебя милочка приперло, – прошамкала, стоявшая у соседней кассы бабулька. Что за молодежь пошла? Ничего не могут, за что не возьмутся.

Илья судорожно разбирал портмоне, достал еще одну карту, и наконец, расплатился за приобретение.

– Всего доброго молодой человек, приходите к нам еще. Не забудьте покупочки.

– Если, к нему охранник сейчас подойдет – покупку с чеком сверить, мы его потеряем, – прошептала Рита, но так, чтобы Илья ее обязательно услышал.

Девушки расплатились за свой скромный продуктовый набор, и заспешили к выходу вслед за Ильей.

– Блин, уехал. Козел.

– Не надо было так издеваться над парнем. У него вся эта ситуация года на два, наверное, любые желания отбила, и мне, между прочим, еще к нему в банк приходиться, общаться. Подвела ты меня под монастырь, Ритка.

– Если, бы я так не издевалась, он бы на весь банк разрезвонил, что встретил тебя пьяную, помятую, с тремя мужиками в обнимку, и ты лыка не вязала. Зато теперь, молчать будет в тряпочку, как миленький.

– Твоя, правда Ритуль. Хвалю, за находчивость!

– Рада стараться ваше высокоблагородие!

Девушки вышли на улицу, снег шел все сильнее.

– Холодно то как.

– Ага, подмораживает. Уехал наш Илья. Тю -тю.

Рядом с девушками просигналил автомобиль.

– Ты смотри, ждет. Зря я его козлом обозвала. Порядочный парень. Хотя, может у него там сердечный приступ. Как думаешь Лер, не опасно к нему в машину садиться? Все– таки, вон как вооружился, хлеб и презервативы, это тебе не шутка, – не унималась Рита.

– Пойдем уже. Пока Илья не передумал. Обязательно перед ним извинишься, только без приколов своих. Мне с ним еще работать. Включай свое хваленое обаяние на сто пятьдесят процентов. Чтобы возле дома он уже забыл все твои издевки и насмешки.

– Как скажешь дорогая, как скажешь.

– Ритка, не вздумай даже! Извинишься и тише воды, ниже травы.

В машине было тепло и уютно.

– Илья, у вас прекрасный автомобиль

– Новый, – с гордостью ответил Илья. Я же теперь начальник отдела, решил соответствовать статусу.

– И салон стильный. Кожа? Это уже интересовалась Рита.

– Конечно, Маргарита, кожа.

– Я люблю кожу, – Рита потянулась как кошка, так, чтобы шубка натянулась на объемной груди. Этот жест девушки не остался незамеченным, Илья нервно слотнул. Люблю, все натуральное, – и потерялась щечкой о дорожную обивку сиденья. Прекрасно.

Лера радовалась, что ехать им всего пару кварталов и Рита не успеет довести парня окончательно.

– Илья, за этим домом направо, один квартал проезжаем и упрямся в мой дом. Уж, выручите нас, доведите. Я зря машину запарковала. Думала проветриться после работы, пешком пройтись, прогуляться.

Илья внимательно следил за дорогой. Рита же на заднем сиденье принимала позы одна соблазнительней другой, привлекая внимание водителя.

– Ох, что-то жарко мне. Печка у вас Илья в машине прям адская, ужас какой –то. Рита распахнула шубку. Обомлела даже Лера. Под шубкой у Риты была обтягивающая маечка, полностью облегающая выдающиеся формы. Илья резко затормозил. Рита сморщила носик: Вы лихач Илюша, а с виду не скажешь.

– Спасибо, вам Илья. Что бы мы без вас делали? Лера выпихивала подругу с сиденья, но та, казалось, к нему прилипла, и гипнотизировала молодого человека взглядом.

– Да, Илюшенька, что бы мы без вас делали?

Парень, задержался, засуетился, поставил машину на ручник, снял с ручника, чертыхнулся и опять поставил на ручник. Выбежал из машины, чтобы открыть девушкам дверь и помочь выйти. Рита выплыла из авто, как королева, следом аккуратно, чтобы не упасть, вышла Лера. Девушки попрощались с Ильей и направились к подъезду. Рита обернулась, решив оставить последнее слово за собой.

– Передавайте привет другу! Хорошего вечера!

Парень был обескуражен и выбит из колеи всем случившимся. Кивнув в ответ, пробормотал что-то нечленораздельное, сел в машину, зачем то сдал назад, чуть не протаранив мусорные баки у подъезда, остановился, и тихо, тихо поехал.

– Да, Ритуль, снимаю шляпу. Что он там бормотал?

– Грр грр, грр...ойной ночи. Спокойной ночи тебе, желал, наверное. В общем, учитеесь Валерия, пока я жива. Теперь ему будет, что вспоминать в выходные. Холодно пошли, быстреей домой.

– Зачем ты оголялась в машине, кто тебя просил? Теперь, холодно ей. Ворча друг на друга, девушки забежали подъезд.

– Лер, камин сегодня растопим?

Растопим. Я давно не топила, сегодня и камин затопим и глинтвейн сварим.

– Ура!! Люблю тебя, Лерусь. Все хочу спросить: Как в обычной квартире может быть камин? Это сколько деньжищ твоя бабуля отдала, чтобы его сделать?

– Ты знаешь, я и сама не представляю. Ты же ее помнишь, какая она была?

– Конечно, мировая была тетушка.

– Они с дедом отдыхали в Прибалтике, в каком-то элитном санатории, где в холле каждый вечер топили камин, когда вернулись в Питер, бабушка завелась: Хочу камин, хочу камин! Что ей дед только не предлагал. И духи, и шубу, и даже какую-то заграничную поездку, а в те времена сама помнишь, такие поездки уже сами по себе были чудо, но она стояла на своем –хочу камин и точка. Пришлось деду подключать всех друзей и знакомых, задействовать все свои связи. Через год мытарств, он ей его построил, и оформил все документы. Хорошо, у нас квартира на последнем этаже, а так я не знаю, как бы он выкрутился. На Новый Год его всегда растапливали, и на заграничный манер бабушка вешала огромный носок, полный пряников и конфет. Мне казалось, это самым настоящим волшебством. У нас было очень красивое Рождество и Новый год.

Прихожая встретила девушек темнотой из которой выпрыгнула с недовольным мяуканьем огромная тень.

– Привет Рыжий, привет котяра. Как ты без меня? Что делал? Пойдем мой дорогой, пойдем кушать. Лера тискала кота, он терся о ее ноги мешая разуваться.

– Иди сюда Кот Котофейский, как поживаешь? Рыжий подозрительно обнюхал Риту, и отвернувшись от девушки, засеменил на кухню за хозяйкой. Ты, смотри какой важный стал, даже в мою сторону не повернулся, гад! Я его спасла, подобрала с помойки, а он признавать меня не желает. Ты помнишь Лерок, каким я его тебе принесла? Жуть. Глаза слезятся, весь в блохах, на одну лапу не становится, хвост облез, а сейчас – наглый, жирный. Одним словом – мужик.

– Никакой он не жирный. Лера гладила кота, одновременно накладывая в миску корм. Он просто отчаянно пушистый. Да, малыш!

– Это надо же – отчаянно пушистый! Где ты находишь такие слова, а Лера? То у тебя музыка дождя, то кот – отчаянно пушистый.

– Не знаю. Они сами находятся. Кот с фырчанием ел и косился на Риту.

– Рыжего накормили, надо и нам с тобой перекусить. Давай так. Ты, Риток, быстренько организуешь легкий фуршет, а я затоплю камин. Предлагаю организовать пикник и расположиться на полу.

– Даешь пикник! Даешь пикник! Мир, труд, май!

– Практически – усмехнулась Лера. Будем считать, что у нас с тобой маевка в ноябре, зимнее летечко.

Рита повернулась к подруге: Ты опять за свое – зимнее летечко. Знаешь, мне порой кажется, что ты из другого века, другого столетия, где были балы, шпоры, гусары, дуэли. И если ты мне сейчас, в своей манере, продекламируешь, что-нибудь на французском, я почувствую себя дико тупой и уйду домой. Вот, пожалуйста, я уже и рифмами заговорила под твоим влиянием. Домой-тупой. Вы, Валерия Сергеевна, так не умеете, такие рифмы вам не по зубам, – Рита скорчила гримасу, Лера подмигнула подруге в ответ.

Фуршет удался на славу. Рита великолепно готовила и из минимального набора продуктов могла организовать чудесное угощение. В этот раз она постаралась сделать все очень красиво. Фрукты оформила в корзину, сделала канапе, пару салатиков, приготовила сыр для фондю.

– Лера, я все. Начинаем праздновать, есть хочу умираю! С этими словами Рита вошла в гостиную, где весело плясал в камине огонь. Лера стояла у окна. Лер, ты что, там застыла?

– Ритка, иди сюда, смотри, как хорошо. За окном мягко падал снег, снежинки, словно маленькие звездочки оседали на деревьях и тротуаре, выглянула Луна. Такое, чувство, что сегодня Новый год. Рита обняла подругу – ты мой дорогой романтик. Давай уже покушаем, а потом вместе полюбуемся и снегом, и видом, и поговорим про Новый год.

– Устраиваемся на полу, у камина? Как договорились?

– Ага. Слушай, Лер, помнишь, у твоей бабушки была невероятная медвежья шкура. Такой кайф был на ней сидеть.

– Как не помнить? Помню! Еще я помню, как ты на Масленицу в нее залезла и пошла с блинами, поздравлять соседей. Дядя, Леша со второго этажа, потом, наверное, пару лет не пил.

– Замолчи, мне стыдно до сих пор, когда вспоминаю, как он орал : АААА...говорящий медведь, говорящий медведь, АААА...!!!!

– Угу, и сколько бабушка потом хорошего от соседей услышала, про внучку наркоманку. Нам с тобой повезло, что у бабули, было прекрасное чувство юмора. Хотя, жена дяди Леша ее благодарила.

– Конечно, столько лет бухал по – черному, а с того дня даже нюхать перестал. А, ты мне до сих пор припоминаешь! Я добро в семью принесла, избавила, так сказать, от зеленого змия. Так, что шкурка то, цела?

– Хочешь еще раз соседей поздравить?

– Если надо, могу! Что, дядя Леша, все еще не пьет? Можем в обратную отыграть.

– Ой, Рит, сиди спокойно. Съела твоего медведя моль давно.

– Целого медведя и одна моль?

– Не берусь утверждать, что моль была одна, может и помогал ей кто, но факт остается фактом.

– Хочешь, я тебе новую подарю?

– Не надо. Жалко мишек. Того между прочим дед добыл сам. На рыбалку с мужиками поехал. Рыбачить ему быстро наскучило. Он рыбу терпеть не мог, больше отдохнуть-расслабиться ездил. А вот, грибником был знатным, и решил пока все спят грибов набрать, грибницу пожарить к завтраку. Хорошо ружье с собой взял. Рассказывал, место попало грибное, не оторваться. Срезает он гриб за грибом, все дальше и дальше отходит, а в спину ему будто дышат. Дед не поворачиваясь, грибом назад кинул, думал кто-то из друзей за ним пошел и решил подшутить.. Сзади –рык. Попал значит. Оборачивается –медведь, морду скалит. Дед стрелял хорошо, и не стало мишки. Мужики прибежали на выстрел, решили медведя не бросать, шкуру деду, как трофей, подарили. Он брать не хотел, а бабушка, как ее увидела, уже и камин у нас тогда был, ничего слушать не захотела. Шкурку прибрала, следила за ней, чистила, каким-то составом обрабатывала, летом проветривала. Я на такие подвиги не способна, вот моль и обрадовалась.

– Зря ты с ней так. Сейчас бы развалились, завернулись, кайф.

–Нам и так хорошо, чем тебе овчина плоха, мягкая, теплая. Открывай вино, на огонь греться поставим, пока кушаем, божественный напиток будет готов. Вкуснота какая, как ты успела, так быстро?

–Что тут успевать? Тут порезал, там обжарил, здесь отварил, перемешал и на стол, делов то, рассмеялась Рита. Она очень любила когда хвалили ее кулинарный талант.

Рыжий лежал рядом с девушками и ему перепадали самые лакомые кусочки. Он был страстным любителем сыра, и стоило Лере только произнести слово сыр, Рыжий тут же материализовывался и начинал подскуливать, словно голодный щенок.

–Тебе надо было назвать его не Рыжий а Сыр,-пошутила Рита.

Услышав заветное слово, Рыжий поднял голову и насторожился, будто говоря –Сыр? Где? Почему без меня?

– Ты не лопнешь сегодня Страшилище?

– Нет, Риток он не лопнет, сыр он может есть тоннами. Да, малыш? Но малыш, положив голову на колени Лере, уже тихо посапывал.

– Иногда я хочу быть котом,-произнесла Рита. Ешь, спишь, орешь, тебя еще и гладят.

– Мне сегодня звонил Николаша.

– Какой Николаша?

– Твой Рит, твой Николаша.

– Не знаю я никаких Николаев. Он давно уже не мой, а Марты Абрамовны.

– Может, поговоришь с ним, или встретишься?

– Лер, ты за меня или за него?

– За тебя конечно. Столько лет прошло, а ты его еще не забыла.

– С чего ты взяла? Забыла, все давно забыла.

– Не обманывай, ни меня, ни себя. Я же не говорю тебе, что ты до сих пор влюблена. Рита фыркнула. Нет, подруга, гештальт не завершён. Обида на Николая тебя до сих пор точит, в покое не оставляет.

– Лера иди в психологи. Ты права, во всем права. Рита сняла маску гламурной барышни. Я порой думаю, если бы нам дали прожить эту любовь, столько, сколько она нас связывала, жизнь сложилась бы иначе. Я знаю, что жену он не любит, мать еле терпит, но мне от этого не легче. И он, и я – рисуем в воображении, что могло бы быть. Мучаемся оба. Я думаю, лучше нам с ним не встречаться. Еще и темперамент у обоих, даже не рискую представить, что может выйти.

– Встреться с ним Рит, встреться, прошу тебя, для самой себя, своего душевного спокойствия. Ты такая красавица, пусть потеряет голову от твоего вида и локти кусает. Поговори с ним, обиду выплесни.

– Тебе легко говорить! Я же влюбчивая. Если опять с ним все закрутится? Что тогда делать? Он жену не бросит, у них семья, дети. Я никогда чужих семей не разрушала и не собираюсь.

– А, это моя дорогая тебя должно заботить меньше всего. Это проблема Марты Абрамовны, когда она выходила за него, она прекрасно знала, что это брак не по любви и даже не по дружбе. Он мальчик большой, сам ищет с тобой встреч. Я считаю, что ты больше страдать не должна, пора вам, как взрослым людям все прояснить. Дай себе шанс, жизнь идет, даже не идет, а летит, нам с тобой уже по тридцать с хвостиком, и хвостик этот паразитский слишком стремительно отрастает. Я хочу видеть тебя счастливой.

– Откуда ты знаешь, может быть, я счастлива со своим табором вечных женихов?

– Не храбрись, счастье таким не бывает. Во всяком случае, оно не твое.

– Уговорила. Поговорю с твоим Николашей, но в случае чего пеняй на себя, под твою ответственность. Не жаль тебе его совсем не жаль.

– Нужен он мне, его жалеть? Помнишь, как в мюзикле – Он сам нарвался!

– Зачем он сегодня звонил, про меня спрашивал?

– Конечно, спрашивал – с кем ты, как ты, не беременна ли интересовался.

– А ты, что?

– Меня так и подмывало сказать – выходит наша Ритуля замуж, будущий муж на руках носит, наглядеться не может, квартиру на ее имя прикупил.

– А что не сказала?

– Пожалела. Страна могла лишиться ценного работника.

Рита рассмеялась: Из ценного в нем только трехкомнатная квартира, машина и дача. А так пентюх пентюхом. Что ты мне весь вечер зубы заговариваешь? У тебя то как? Ты все про моих ЮрковСашков и Николаш знаешь, а мне ничего о себе не рассказываешь.

– Да никак Рит. Все – как всегда. Не хочу ничего и никого, один раз видно на всю жизнь отшибло.

– В этом твоя беда! Не хочу, не нужны – передразнила подругу Рита – отшибло! Ты же молодая девка, интересная, с квартирой, карьеру сделала, интеллектуалка, а все одна и одна.

– Разве я одна, Ритуль? У меня есть ты, есть Рыжий, моль, в конце концов!

Рита укоризненно покачала головой. Моль у нее есть! Какое счастье! Сколько раз я тебе говорила: Как ты настроена к жизни, так и жизнь к тебе. Если ты повернулась к ней задницей, с чего бы ей быть милой и снисходительной. Фею с волшебной палочкой тебе никто не обещал, и не жди. А, игры с мирозданием – беспроигрышная лотерея. Надо только, как в анекдоте купить лотерейный билет. Даже не вздумай мне возражать! Привожу тебе пример: я сегодня отправила запрос мирозданию, чтобы ты пораньше освободилась – пожалуйста, ты дома пораньше. Второй раз отправила мысль в космос, чтобы нас домой подвезли – пожалуйста. Все исполняется, стоит только искренне пожелать. Что ты ржешь, как дура?

– Ой, Ритуля, просмеявшись сказала Лера. Какие – то у тебя недоработки или терки с мирозданием. Если бы ты знала, какой ценой меня пораньше отпустили, то сейчас бы мне очень сочувствовала, денечек был тот еще. Что произошло с Ильей, я лично наблюдала: у парня инфаркт и возможная импотенция на всю жизнь. Нет, однозначно, косячит твое мироздание.

– Ничего подобного, возмутилась Рита. Главное результат. Есть посыл – есть результат, все остальное – мелочи. Точка входа – точка выхода, а звенья цепочки – никому не интересны.

– Ага, вот такая, милая побочечка. Ну, и как по твоему, я должна через мироздание наладить свою личную жизнь?

– Слушай и запоминай. Можешь записать, чтобы не забыть. Учю. Садись поудобней, расслабляешься, фокусируешь все свое внимание на том, что хочется, и оповещаешь мироздание: Так мол и так, мужик нужен, хочунимагу! Все параметры мужика обязательно указываешь, не забудь, это важно, чтобы бомжа какого, или альфонса тебе не выдали. Загадала, отпустила в космос и жди. День жди, второй жди.

– Рит, долго ждать? Я долго ждать не могу!

– Это моя дорогая, как получится. Случай твой запущенный, претензии к мужикам большие. Мироздание оно же что, оно комбинации начнет перебирать, искать, то, что тебе подойдет. Я тебя знаю, у тебя список требований с Войну и Мир.

– Боюсь в моем случае, который, как ты сказала – запущенный, все будет примерно так –загадаю я суженного-ряженного своего, отправлю запрос. День жду-ничего, два жду –ничего, на третий мне Светочка из приемной по интеркому сообщит : Валерия Сергеевна, вас к телефону, какое-то Великое Мироздание, соединять? Конечно, соединять:

– Ало, говорите.

– Валерия Сергеевна?

– Да.

– Здравствуйте, вас беспокоят из канцелярии Великого Мироздания, сокращенно – МРЗД, два дня назад вы отправили нам свой запрос. Все верно?

Я с трепетом: да, да уважаемая, все так, отправляла.

– Вашему запросу присвоен номер 6745369 , примерное время ожидания четыре года одиннадцать месяцев двадцать три дня четыре часа семнадцать минут. Время ожидания может быть сокращено ввиду форс– мажорных обстоятельств, коими являются смерть впереди стоящего клиента, либо отказ указанного выше клиента от ожидания, либо изменение им намерений. В случае изменения параметров запроса вами лично, вы автоматически исключаетесь из списков очередников, и администрация великого МРЗД ответственность за вашу дальнейшую судьбу не несет. Договор может быть расторгнут в одностороннем порядке Великим МРЗД без объяснения причин. Подтверждать заявку будете? Если будете, то оплатите членские взносы, получите бонусную карту, на два чуда. Бонусная карта является накопительной, чудеса списываются по мере свершения, но не раньше полутора лет с момента начала ожидания, распишитесь кровью для скрепления нашего договора. И, самое главное – исполненное желание возврату и обмену не подлежит. Можете подписаться на бесплатную рассылку от Великого МРЗД, из которой вы узнаете об акциях и спецпредложениях, подарках и розыгрышах ценных призов для постоянных клиентов.

– В твоем случае, да, так и будет, потому, что ты Фома неверующая. Если бы ты только прониклась и прислушалась к моим словам, тогда да, но ты же упертая. Душишь свою замечательную интуицию логикой. Раз не хочешь про мужиков говорить, рассказывай, как на работе. Ты ведь не просто так мне днем звонила, я по голосу поняла, ты какая-то грустная.

Лера, вкратце рассказала произошедшую с ней историю.

– Детектив у вас там разворачивается, –восхитилась Рита. С картами классно у тебя выходит. Я сегодня уже говорила: бросай свои финансы, дело неблагоприятное. Магический салон откроем, я помогу с клиентами. Идея! Ты теткам гадать не будешь. Только бизнесменам. Ясно-видящая в седьмом поколении, маг первой гильдии, хиромант высшего разряда, потомственная колдунья, член общества заозерных ведьм Северного Кавказа – предскажет судьбу вашего бизнеса. В спектр наших услуг входит: гадание на кофейной гуще на сданный баланс, кодировка от невыгодных кредитов, свод долгов на любовников жены, приворот президента компании по паспорту сделки, изменение бизнес– стратегии конкурентов четырьмя стихиями, и прочая, прочая, прочая. Как тебе, идея? Супер?

– Блеск.

– А мне сегодня погадаешь?

– Тебе тоже-на судьбу сделки или бизнес-стратегию?

– Нет, мне на женихов, на Николашу. Погадаешь? Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

– Погадаю. Только передохну чуток. Устала сильно, давай по глинтвейну пока.

– Давай. Ох и перегрели мы его.

– Ничего. Зато аромат на весь дом.

– До дяди Леша точно -дошел. Как держится мужик, не представляю. Лерусь, неужто правда, он тогда, как пить бросил, так до сих пор и ни-ни.

– Правда.

Идея вторая. Я тоже в твоём салоне принимать буду: Ваш муж пьёт? Смело к нам. Уникальная технология –говорящий медведь на дом– навсегда заставит благоверного забыть о бутылке. В выходные и праздничные дни – приход белки в подарок. Что скажешь?

– Жутко. И дядю Лешу тогда тоже в бизнес бери, он воочию расскажет теткам, как это было, и что он испытал.

–Ты сечешь, подруга. Мы скоро заработаем свой первый миллион. Так, а, что за мужик этот Теодор? Без перехода от предыдущей темы, Рита, перескочила на новую. Сколько лет? Бизнес успешный? Или так –вшивенький?

– Бизнес с виду ничего –успешный, но вот как-то картами я забыла просмотреть, сейчас исправим ситуацию. А так, сам по себе, мужик хороший– статный, похоже, бывший военный, подкачанный, уверенный в себе, нагловат, ну и, как водится в таких случаях– бабенок во множестве. Что тебе еще рассказать?

– Женат?

– Думаю, нет. Скорее, разведен.

– Это ты все картами увидела?

– И ими конечно, и понаблюдала на переговорах за ним. Разливай глинтвейн, а я схожу за колодой. И тебе погадаю и Теодора еще раз посмотрим. Пока хожу, ты мне ответь, как думаешь, что это с Васькой сегодня было, и что мне от него ждать? Мне твое мнение интересно, я свое составила, хочу взгляд со стороны. Права я в своих догадках или обшибаюсь.

Лера прошла в спальню, в комод у нее были спрятаны колоды. Какую взять? Возьму лучше, из сумки, самую любимую. Лера вернулась с колодой в гостиную.

– Подумала? Что мне скажешь про Василия?

–Что я тебе скажу. Ты и сама все знаешь. У карт лучше спроси.

– Нет, я хочу твое мнение – живое.

– Как женщина, ты ему нравишься однозначно, но в его подкате сегодняшнем, и бизнес конечно замешан. Представь, как изменится его жизнь, если вы станете любовниками. Он подгребет под себя финансы. Ты прекратишь вставлять ему палки в колеса, отговаривать Крокодила от сомнительных сделок. Василий через тебя станет управлять Крокодилом, ну и чего уж, баба ты красивая, любой не прочь. Плюс он давно оценил силу твоего мозга, с тобой в тандеме он горы свернет, и фирму у Крокодила оттяпает на раз-два. Считаю, он сегодня решил забросить пробный шар, глянуть на твою реакцию. Так, что будь настороже. Такое говно, как он, отказы переживает сложно.

– С ним давно тяжело работать, а последний год он меня поедом ест, проходу не дает. Я Василию отвечаю, но так все надоело. Хочу закрыться дома с Рыжим, и пару лет не выходить. Спать, рисовать, кушать и снова спать.

– Красавица ты моя спящая, брось ты эту работу, деньги у тебя – есть.

Лера замолчала.

– Лер, не молчи? У тебя ведь есть деньги – деньги бывшего мужа и много.

– Рита, ты опять, о том, что я стараюсь забыть. Я не возьму ни копейки.

– Не возьмешь? Ну и дура! Это твои деньги, не его. Ты их этим браком чертовым отработала.

– Нет, Рит, как только объявится –отдам.

– Ты уверена, что он объявится? Сколько лет о нем ничего не слышно?

– Скоро будет десять. Хорошо, что я успела развестись.

На Леру нахлынули воспоминания.

Глава 3

Лера родилась в обеспеченной, интеллигентной семье. Дед военный, бывший летчик-испытатель. Окончив карьеру летчика, трудился в закрытом НИИ, главным конструктором. Бабушка – дама с дворянскими корнями, вела домашнее хозяйство, была человеком простым, кладезем знаний и житейской мудрости, свободно разговаривала на нескольких языках, пела, рисовала. Считала, что женщина должна быть независимой, и втайне от деда принимала на дому учеников и делала переводы. Дед делал вид, что не знает о подработках жены, осознавая, что в любом споре, его Женечка, возьмет над ним вверх. В открытую, не одобряя работающих женщин, всегда читал лекции Лерину отцу и своим друзьям о том, что мужчина должен содержать дом, а жена – свято верить, что деньги берутся из тумбочки. Однако, тихонько помалкивал, и не задавал лишних вопросов, когда жена на свои кровные приобретала ту или иную вещь. Если в доме он заставал учеников, наигранно возмущался: Что опять тебя Клаша попросила с внучком английским позаниматься? Ты бы лучше отдохнула, пусть бестолочь сам учебник в руки возьмет.

– Как я могу отказать подруге? Единственный у Клаши внук. Я немного помогла мальчику с глаголами. Садись кушать, пожалуйста, суп остывает.

Евгения Степановна подавала своему Паше кусочек хлеба, тот улыбался, считая ее лучшей женой на свете.

Отец Леры был ученым химиком. Он не пошел по стопам отца, прервал династию военных. Мама преподавала музыку в консерватории, обладала мягким характером, была необычайно добра и столь же красива. Лера помнила до сих пор, как они с мамой, обязательно нарядившись, отправлялись на концерты в филармонию или премьеры в театр. Инга-мать Леры, любила все прекрасное, театр, оперу, балет, музыку, и эту любовь старалась привить дочери. Они посещали и детские утренники и взрослые спектакли. Инга была абсолютно убеждена, что ее дочь, уже в таком юном возрасте способна понимать чувства Ромео и Джульетты, Кармен и Хозе, Одетты и принца Зигрифида, красоту танца, силу музыки. После спектакля они заходили в кондитерскую, пили ароматный чай и обсуждали, то, что увидели на сцене. Первой свое мнение высказывала Лера, Инга внимательно слушала дочь, никогда не перебивала, затем говорила сама. Отец же напротив, хоть и был весьма незаурядным и образованным человеком, не любил классической музыки, шумных вечеров и театральных постановок. Он безмерно доверял жене, и без претензий отпускал ее вечерами на концерты или спектакли в театр, и частенько, сам покупал своим девочкам лучшие билеты.

Сейчас Лера удивлялась, как маме не было скучно ходить с маленьким ребенком на представления. Ответ был один, мама старалась передать ей свою любовь, научить разбираться в том, что хорошо, что плохо, что красиво, что нет. Они всегда были на равных. С Лерой в детстве редко обращались, как с ребенком, не сюсюкали, не тискали. Ее воспитывали самостоятельным человеком с собственным мнением. Бабушка с раннего детства учила девочку языкам. Это были не просто уроки. Разговаривая с внучкой, женщина вдруг переходила на иностранный язык. Сначала отдельные слова, потом фразы, затем стишки и песенки. Когда Лера выучилась читать, они стали читать сказки на русском, затем на немецком, или французском языке.

Все изменилось, практически, в одночасье. Умер дед. Однажды, утром он не проснулся. Врачи диагностировали сердечный приступ. Евгения Степановна отказывалась принимать, что

мужа больше нет. На похоронах не проронила ни слезинки. Готовила его любимые блюда, ждала с работы, каждый день протирала пыль на его письменном столе в кабинете. Говорила о муже, как о живом, забросила свои переводы и учеников, рассорилась с друзьями, которые увещевали ее и просили смириться, постараться пережить. Женщина выслушивала их молча, но больше не отвечала на телефонные звонки, не принимала их приглашений.

– Сами вы умерли, – шептала она.

Так прошел год. Родители Леры очень переживали, отец осунулся, похудел, он потерял близкого человека, и мать была на грани помешательства. На семейном совете было решено отправить Леру на все лето к бабушке. Это было последнее лето девочки перед школой.

Лера с родителями жила в Москве, бабушка, в Ленинграде, как город называли тогда. Приехав в Ленинград, Лера не узнала квартиры. Евгения Степановна затеяла ремонт.

– Попала, ты внучка из огня да в полымя. Будешь мне помогать. Через неделю придут маляры, и мы с тобой уедем на дачу, чтобы им не мешать. Станем ходить в лес, варить варенье и удить рыбу. Ты умеешь рыбалить?

Бабушка была оригиналкой, могла часами сидеть у пруда с удочкой в руке. Лера смотрела на нее расширенными от ужаса глазами, она, как и дед терпеть не могла рыбу. Мокрая, скользкая и холодная, брр, что и высказала бабушке.

– Надо же – мокрая и холодная! А, лопать любишь?

– Конечно. На тарелке – она жареная.

Женщина рассмеялась. Все правильно – жареная это вкусно. Ладно, не хочешь не лови. Будем делать, что нам вздумается, но это после, а пока внучка помогай мне. И они вдвоем стали сдирать обои. Евгении Степановне необходимо было вырваться из своего состояния, она прощалась с прошлым, начинала новую жизнь.

Лера, конечно, в силу возраста ей особо помочь не могла, и девочке было позволено, рисовать на обоях красками, карандашами и любыми доступными средствами. Так они и работали, разгружали шкафы, паковали посуду, чтобы не разбилась во время ремонта, сдирали обои и рисовали на стенах. Ровно в три часа дня – шли пить какао с булками. Возле дома, была небольшая кондитерская. По советскому обыкновению ассортимент в ней был скудный, а то, что продавали, было совсем непривлекательным на вид, но по утрам привозили готовое тесто. Тесто было сдобным и ароматным, за ним приезжали хозяйки со всего города. Лера бежала утром в кондитерскую, покупала тесто, и они вместе с бабушкой, пекли булки с корицей или яблочный пирог, и с этой выпечкой пили какао и болтали обо всем на свете, большей частью на французском языке. Французский был у них самым любимым, и как мама, которая с детства прививала Лере любовь к музыке, бабушка прививала внучке любовь к языкам и стремление к знаниям.

– Знаешь, моя дорогая, хоть ты и растешь очень красивой девочкой, помни – сила в твоей голове, в твоих знаниях. Физическая красота – второстепенный фактор. Раскрыть тебе секрет вечной молодости?

– Я итак знаю! Надо найти молодильные яблочки!

– Ну, дорогуша, яблочки хорошо, но если не найдешь, помни – всегда изучай что-то новое, стремись узнать, то, что пока не знаешь, и будешь интересна и окружающим и себе. Как, я например! Женщина смеялась задорным смехом, словно девчонка.

Она была невысокого роста, с царственной осанкой, достаточно пышной фигурой, всегда тщательно уложенной прической, идеальным маникюром, уверенная в себе дама, порой даже чересчур. Там, где она появлялась звучал смех, шутки, и ее командный, голос, полный обаяния. Коллеги и сослуживцы деда ловили каждое слово Женечки. Ее называли только так – Женечка, и на вы. Она постоянно была чем то увлечена, то брала уроки гимнастики, то верховой езды, затем был период аргентинского танго и турецкого языка. Одно увлечение, сменялось другим, причем она не бросала предыдущее пока не добивалась в нем определенного успеха. На турец-

ком она могла говорить и читать, с уверенностью держалась в седле, ее растяжке могли позавидовать гимнастки. Никогда не останавливалась на достигнутом, начиная что– то вновь. С ней было безумно интересно, казалось, она знает ответ на любой вопрос, и как большая советская энциклопедия обладала кучей разнообразной информации. Подруги удивлялись зачем ей все это нужно, есть дом, сын, внучка подрастает, а она бегаёт по утрам! Зачем? К чему все это?

– Чтобы не превратиться в старую кошелку, или высохшую мумию. Сегодня я пойду на выставку, а вы будете сидеть дома и кипятить молоко.

– Женечка, ты тоже будешь его кипятить, к тебе внучку прислали.

– Конечно буду, ребенку нужно правильно питаться, но это будет потом. Сначала мы с Леркой посетим променады, и когда вечером станем стирать и кипятить, порадуетесь, что этот день мы прожили и узнали много нового и интересного.

Евгению Степановну считали чудачкой, но втайне восхищались. Никто не мог ей дать больше сорока, максимум сорока пяти лет. Поговаривали, что она тайно посещает известного пластического хирурга, который творит чудеса. Женщина знала о таких пересудах и в ответ, только улыбалась, признавшись Лере, что слух про хирурга распустила – сама.

– Зачем тебе это, ба?

– Ну, а как еще, моя дорогая, как я им объясню, что старость не на лицах, она в головах, в поступках.

То лето стало самым счастливым в жизни Валерии. Содрав со стен обои, укутав в пленку мебель и упаковав посуду, бабушка с внучкой отправились на дачу, передав квартиру маляршам. Евгения Степановна обещала Лере сюрприз. Не подарок, а именно сюрприз. Такой, что когда они вернуться осенью в Ленинград все знакомые ахнут. Лера ждала сюрприз с замиранием сердца, даже не представляя, что это может быть, но бабушка лишь загадочно молчала.

– Всему свое время Лерочка, нам пока не до сюрпризов, надо дачу привести в порядок. Так, что жди, душенька.

Дача встретила их тишиной и запустением. Обычно весной, после того как сойдет снег, первым на дачу ехал дед. Он был потомственным крестьянином и обожал возиться с землей. Приехав за город, Павел Дмитриевич, нанимал работников из местных жителей и те, убрали, красили, чинили. Мужчина, тем временем, перекапывал огород, сажал овощи и зелень, расчищал сад, подрезал деревья и кустарники. Ближе к лету приезжала бабушка, садово-огородные дела ее интересовали мало, она любила поваляться в гамаке, понежиться на солнышке, попариться в баньке. На даче у нее была только одна обязанность – отдыхать, дышать свежим воздухом и набираться сил после домашних дел. Это был ее собственный рай, с помощницей по хозяйству, деревенской теткой– Зиной. Зина приходила пару раз в неделю, убирала, стирала, гладила. Единственное, что не доверялось никому, это выбор продуктов и приготовление пищи. Бабушка верила в культ еды. Готовила для своей семьи сама, полагая, что уют в доме и лад в семье закладывается пирогами и котлетами собственного приготовления.

В этот раз все было иначе. Сад и огород заросли, в доме было холодно, пахло сыростью и мышами, в старую абрикосу попала молния, и она упала на дорожку, загородив проход.

– Ба, поехали обратно, тут страшно, –заныла Лера. Что нам здесь делать?

Словно подтверждая слова девочки начал моросить дождь, погода резко портилась.

– Нет, уж голубушка. Что значит обратно? Во-первых, у нас там малярши и ехать нам некуда, а во-вторых, ты сдаешься, что-ли?

– Нет,– шмыгнула носом Лера.

– Молодец. И я не сдаюсь! Спорим, через неделю, ты не захочешь отсюда уезжать?

– Спорим! А на что?

– На, то, что проигравший все лето моет посуду. Идет?

– Идет.

Распаковывай свой рюкзак, выпьем чаю горячего, чтобы не заболеть, и отправимся искать Зину.

– Как же мы пойдем, дождь идет, ба. Там лужи!

– Слушай, старушенция, в три года ты не задавала мне таких глупых вопросов, а прыгала под дождем, как козочка. Мы оденем дождевики, резиновые сапоги и возьмем зонт, это будет настоящий поход, приключение. Я не собираюсь спать в сыром доме, нам надо растопить печь. Ты умеешь? Лера отрицательно замотала головой. И я – нет, и бабушка, копируя внучку затрясла головой. Нам очень нужна Зина, надеюсь, что она дома.

– А, если ее нет?

– Хороший вопрос, внучка. Если ее нет, тогда я подумаю об этом завтра.

– Завтра? Лера, непонимающе смотрела на бабушку.

– Как, ты еще не читала «Унесенных ветром»?

– Нет.

– Вот и ответ на твой вопрос. Если не найдем Зину, будем вечером читать при свече.

Тебе понравится. Эта книга великолепна.

– Про любовь?

– Про любовь. Чай допила?

– Ага.

– Марш утепляться и побежали под дождик за Зиной.

К счастью, Зина нашлась быстро. Женщина поочередно обнимала то Евгению Степановну, то Леру.

– Дорогие, вы мои, голубушки – приехали. Я уж думала, не будет вас в этом году. И дом неухоженный стоит, и не прибрано. Евгения Степановна, что же вы не сообщили, водителя не прислали?

– Нет, Зиночка больше у нас водителя. Как Паши не стало, так и водитель нам не положен.

Зина, всплеснула руками: Такой человек, такой человек был, столько сделал, а они водителя отобрали.

– Ничего Зин, мы и без водителя на электричке прекрасно добрались.

– На электричке? На электричке до города, а сюда как?

– Пешком, Зинуля, пешком.

– Пешком, два километра, с поклажей, да дитем малым?

– Я не малая, встряла Лера.

– Лерочка, зайчик мой серенький, конечно же, не малая. Как вытянулась за год, не узнать совсем. У меня для тебя дружок есть. Как чувствовала, что вы приедете, котенка на той неделе подобрала. Черный, игривый. Зина, отдернула занавеску. На окне примостился черный клубочек.

– Кот это хорошо, у нас весь дом мышами провонял. Кота берем в хозяйство на все лето. А ты, будешь у нас работать?

– Ежели позовете, приду без разговоров. Вы мне Евгения Степановна с Лерочкой, как родные. Кооператорщик, что дом рядом с вашим построил, меня звал – не пошла. Вас ждала. Коли не приехали бы, так и вовсе не нужен никто, пенсию я слава богу заработала, не голодаю, корова, куры, хозяйство.

У Евгении Степановны подозрительно заблестели глаза.

– Почитай, год я не плакала, а ты мен до слез довела такими разговорами. Мы тебя тоже очень любим. Женщины крепко обнялись.

– Евгения Степановна, может, у меня сегодня заночуете? В доме у вас грязно, не прибрано.

– Нет, Зин. Мы, собственно, пришли тебя просить печь затопить, и помочь работников нанять.

– Хорошо, Евгения Степановна, вы с Лерочкой домой идите. Я быстренько, мужиков, кто из работающих предупрежу, чтобы завтра к вам, с утра приходили. Работы– всего ничего, на пару дней, не больше. Как с мужиками переговорю, так сразу к вам – печь затопим.

– Договорились. Пошли, Лерок.

– Так, а кота? Кота берете?

– Конечно, берем. Лера аккуратно взяла котенка, тот недовольно зафыркал. Ба, давай назовем его –Герцог. Женщины засмеялись. Ба, ну правда, смотри какой он важный и благородный.

– Пусть будет Герцог.

К ночи в печи весело потрескивали дрова.

– Вы, Евгения Степановна, сегодня перетерпите, спите на первом этаже. Второй прогреться не успеет, сыро еще. Что за лето в этом году, и снег поздно сошел, и льет, как из ведра, ни дня без дождя. Холодина. Картошку я посадила, вся погниет, при такой– то погоде, ягод понятно, не дожидаться уж, и в лес не пойдешь, грязь по колено, только на тракторе можно. Зина делилась с бабушкой местными новостями, Лера тихонько посапывала на печи в обнимку с Герцогом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.